

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. —
Отдѣл. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья и требованія адресуются къ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Ивановская, д. № 13, кв. 18.,
а также въ книж. маг. Бель-
фа, Нев., Гостиной дв. № 18,
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книж. ма-
газинѣ Александра.
Въ Тивелиѣ—въ книж.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Судебная реформа въ Сибирѣ.—Вопросъ судебной реформы на окраинахъ. С.—Переселенія на Амуръ. М.—Хроника.—Коррес-
понденціи.—Крѣпостническія традиціи въ Сибирѣ. Н. Я.—Кульджа наканунѣ сдачи (статья вторая). А. Сумарокова.—Хроника жизни за недѣлю.—
По поводу выставки г. Пясецкаго въ Москвѣ. Сибирскому репортеру.—Биржевыя извѣстія.

26 августа 1882 года.

Для характеристики нынѣшняго положенія судовъ въ Сибири, обращаемъ вниманіе на слѣдующее извѣстіе въ послѣднемъ номерѣ (№ 30) «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». «Томскому окружному суду предстоитъ въ скоромъ времени критическое положеніе. Начиная съ октября мѣсяца, въ распоряженіи суда не будетъ ни копейки денегъ на содержаніе канцеляріи. По штатамъ, на насѣдъ писцовъ и канцелярскіе расходы суду отпускается 105 р. въ мѣсяць, но на эту сумму содержать канцелярію невозможно, даже при самыхъ щепетильныхъ расходахъ. Уплачивая писцамъ максимумъ 12 р. въ мѣсяць и минимумъ 2 р., окружный судъ расходовалъ съ января по 150 р. въ мѣсяць и у него не остается средствъ на послѣдніе три мѣсяца года. Мы слышали, что судья вошелъ по этому поводу съ предствленіемъ къ начальнику губерніи». Такое извѣстіе весьма оригинально. Положимъ, «экономія экономіей!» Но, вѣдь, есть же и ей предѣлы! Мы имѣли честь въ своей газетѣ уже не разъ докладывать, что финансовая точка зрѣнія въ дѣлѣ правосудія едва-ли можетъ играть видную роль. Правда и справедливость сами себя окупятъ важными социальными послѣдствіями. Достаточно перевести аргументъ о дороговизнѣ новаго суда и о невозможности ввести его въ полномъ составѣ на обыкновенный языкъ: «Дадимъ Сибирѣ «похуже правосудіе», или «поменьше правосудія», какъ эта точка зрѣнія, обнаружитъ всю свою несостоятельность.

По поводу слуховъ о введеніи гласнаго суда въ Сибирѣ, «Сибирская Газета» высказываетъ также свое мнѣніе. Говоря о важности независимости суда и отдѣленія его отъ администраціи, газета выражаетъ по поводу ожидаемой реформы слѣдующее:

Любопытно было бы теперь знать, въ какихъ именно границахъ будетъ въ Восточной Сибири проведено начало отдѣленія суда отъ администраціи? Надѣяться на проведеніе въ Восточной Сибири реформы болѣе либеральной, чѣмъ та, которая дана судебными уставами 1864 г., было бы, конечно, безуміемъ. Желательно, чтобы Сибирь, по крайней мѣрѣ, получила не меньше того, что даютъ уставы. Мы уже говорили,

что выборное начало въ избраніи судей первой степени (мировыхъ) не осуществимо въ Сибирѣ. Что касается до членовъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ, которыя будутъ соответствовать окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ Европейской Россіи, то, по выборѣ правительствомъ первыхъ членовъ этихъ судебныхъ учрежденій, слѣдовало бы очевидно ввести, относительно замѣщенія являющихся открываться впродъ вакансій, по меньшей мѣрѣ, тѣ же самые порядки, какіе приняты судебными уставами 1864 г. Относительно же награды судьямъ, переводовъ и устроенія административной власти отъ судебного процесса, то можно напередъ утверждать, что Сибирь получитъ то же самое, что Европейская Россія.

Очень важно въ телеграммѣ генералъ-лейтенанта Анучина то, что въ ней сказано о судебныхъ слѣдователяхъ. По судебнымъ уставамъ 1864 г., судебные слѣдователи считаются членами окружныхъ судовъ, безъ суда несмѣняемы, впрочемъ, могутъ быть переводимы изъ одного округа въ другой. Полная независимость слѣдователей при принятіи ими разныхъ мѣръ, необходимыхъ для выясненія дѣла, очевидна. Вместе съ тѣмъ, крайне важенъ подборъ слѣдователей, потому что въ ихъ власти предварительный арестъ, допускаемый закономъ, только если усматриваются слѣды преступленія, влекущаго за собою лишеніе или ограниченіе правъ, съ ихъ послѣдствіями. Известно изъ судебной практики, что десятки тысячъ заключенныхъ ежегодно приговариваются судами къ наказаніямъ, которыя не влекутъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ. Отчего это зависитъ? Въ Европейской Россіи, какъ извѣстно, имѣтъ и двухъ десятковъ судебныхъ слѣдователей; остальные считаются «исправляющими должность» судебныхъ слѣдователей и находятся въ полномъ распоряженіи администраціи. Въ Восточной Сибири не проектируется даже слѣдователей такого рода. Не видно также изъ названія, которое будетъ дано восточно-сибирскимъ слѣдователямъ, чтобы отъ нихъ требовалось основательное юридическое образованіе. Между тѣмъ, нельзя отвергать, что для слѣдователя это образованіе еще болѣе необходимо, чѣмъ для судьи, потому что, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ дѣлахъ по преступленіямъ, судьямъ, по судебнымъ уставамъ, является на помощь судъ общественной совѣсти, а во всѣхъ вообще дѣлахъ—гласность судебного процесса. Замѣчательно, что изъ всѣхъ началъ новой судебной реформы именно начало независимости судебныхъ слѣдователей почти вовсе или совсѣмъ вовсе нигдѣ не осуществлено. Объ этомъ говорила наша литература, но, какъ и въ другихъ случаяхъ, голосъ ея пока остается гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Въ заключеніе не можемъ однако не прибавить, что сибирякамъ не слѣдуетъ особенно ликовать по поводу обѣщаній, изложенныхъ въ телеграммѣ генерала Анучина. Такія общія указанія, какъ «отдѣленіе суда отъ администраціи», даютъ широкое поле для всякихъ заключеній.

Не понимая съ своей стороны сочетанія стараго сибир-

скаго канцелярскаго порядка съ формами новаго суда и считая введеніе правосудія въ Сибирь, странѣ безправія, задачею неизбѣжною и необходимою какъ воздухъ, какъ жизнь, мы считаемъ гражданскимъ долгомъ выразить, что Востокъ и Сибирь желаютъ полнаго введенія новаго гласнаго судопроизводства, и нѣтъ такихъ мѣстныхъ и исключительныхъ условій, которыя бы выгораживали эту страну изъ среды обыкновенныхъ человѣческихъ обществъ.

Ниже мы помѣщаемъ мысли о способахъ примѣненія новаго суда на окраинахъ; соображенія эти принадлежатъ лицу весьма компетентному въ данномъ вопросѣ.

ВОПРОСЪ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ НА ОКРАИНАХЪ.

Примѣненіе судебныхъ уставовъ къ такимъ губерніямъ, какъ Архангельская и всѣ сибирскія, встрѣчаетъ различныя затрудненія. Новая почва, новая обстановка не можетъ не вынудить столь же новыхъ приспособленій къ ней. Чѣмъ ближе однако захотятъ держаться однажды написанной буквы, тѣмъ болѣе придется откладывать и всю реформу, или же тѣмъ труднѣе придется акклиматизировать введенную. Пространство и податныя силы этихъ областей какъ-бы полагаютъ грозный предѣлъ торжественному шествію судебныхъ уставовъ во всей ихъ полнотѣ. Для такихъ пространствъ необходимъ судъ нѣсколько болѣе подвижной, чѣмъ для всякихъ другихъ, а такихъ податныхъ силъ нужны суды нѣсколько болѣе дешевые, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. У насъ существуетъ вѣдь собственно говоря, цѣлыхъ три судебныхъ системы рядомъ, а именно: волостная, мировая и общая система, и притомъ каждая съ тремя или, по крайней мѣрѣ, съ двумя инстанціями. Такую роскошь не безъ труда выносятъ и внутреннія губерніи; Архангельская же и сибирскія, при ихъ рѣдкомъ населеніи и при бѣдности ихъ интеллигенціи, были бы и совсѣмъ не въ состояніи вынести. А между тѣмъ, нельзя также сказать и того, чтобы никакими иными средствами, кромѣ указанныхъ въ судебныхъ уставахъ, нельзя уже было гарантировать правильность правосудія, а тѣмъ болѣе, хотъ повысить ту степень правильности его, какою до сихъ поръ принуждены обходиться жители этихъ обдѣленныхъ губерній. Можно и удешевить новый судъ, но не тѣмъ непременно, чтобы побольше сдвинуть его въ волостной. Можно и приблизить этотъ судъ къ населенію, но не тѣмъ только, чтобы, рядомъ съ общими судебными учрежденіями заводить мировыя. Напротивъ, первой цѣли можно достигнуть, отказавшись, на примѣръ, отъ догмата коллегіальности, и ограничиваясь, въ извѣстныхъ случаяхъ, единоличными судьями. Второй цѣли можно достигать тѣмъ, чтобы развить, лежащій въ уставахъ, въ видѣ зародыша, принципъ подвижности суда. Равнымъ образомъ и самая нелицеприятность правосудія обеспечивается не однимъ только правомъ обжалованія рѣшеній и не одною только гласностью и публичностью ихъ, на которыя въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ, за отсутствіемъ прессы и компетентной публики, дѣйствительно трудно полагаться; но она достаточно можетъ быть гарантирована и такимъ

средствомъ, какъ солидное представительство сторонъ, дѣйствительная состязательность процесса, равноправность защиты съ обвиненіемъ. Гдѣ нельзя примѣнить одно начало, остается усиливать другое. Что же касается той гарантіи правосудія, какая лежитъ въ личномъ составѣ судей, то и этой гарантіи тѣмъ легче достигнуть, чѣмъ судей требуется менѣе (единоличность), и тѣмъ труднѣе, чѣмъ ихъ придется набирать болѣе (коллегіальность). Наконецъ, система выборности однѣхъ должностей и несмѣняемости другихъ, способна довершить достоинство юстиціи и помимо крупныхъ издержекъ и громоздкихъ учреждений.

Если всѣ такія отступленія отъ судебныхъ уставовъ примѣнить, на примѣръ, къ Архангельской губерніи, то можно было бы не вводить въ ней особо общихъ и особо мировыхъ учреждений, а ввести въ ней нѣчто среднее между тѣми и другими, а именно: единоличныхъ судей, но съ властью нынѣшнихъ уѣздныхъ судовъ, и въ тѣхъ же самыхъ пунктахъ, гдѣ эти послѣдніе. Такіе судьи должны быть назначаемы отъ правительства и должны быть несмѣняемы. Но всю эту компетентность единоличнаго судьи надо было бы разбить на нѣсколько категорій, смотря по степени важности разсматриваемыхъ дѣлъ, и каждой изъ этихъ категорій присвоить особый порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ. Такъ, на примѣръ, если всѣ уголовныя права нарушенія подраздѣлить на проступки (указъ о наказаніяхъ), преступления исправительныя (одна часть уложенія) и преступления чисто-уголовныя (другая часть), то первую изъ этихъ категорій дѣлъ единоличный судья могъ бы разсматривать вполне единолично, и притомъ на мѣстахъ, въ качествѣ амбулаторнаго судьи, для чего онъ могъ бы назначать или разные пункты въ уѣздѣ, или же открывать засѣданія въ разъ навсегда назначенныхъ двухъ или трехъ пунктахъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. То же самое относится и къ дѣламъ гражданскимъ, первую категорію которыхъ могла бы быть также компетенція мирового судьи, т.-е. до 500 р. Но гдѣ взять апелляціонную инстанцію для этихъ дѣлъ? неужели для этого надо идти въ губернскій городъ такой губерніи какъ Архангельская? Если же заводить сѣзды судей въ каждомъ уѣздѣ, то мы возвращаемся къ той громоздкости учрежденія, которой во что бы то ни стало надо избѣжать. Наконецъ сѣзды, по одному на два на три уѣзда, все-таки равнялись бы, по отдаленію, сѣздамъ на двѣ на три губерніи внутреннихъ. А потому не лучше ли образовать этотъ сѣздъ по каждому уѣзду, въ каждомъ уѣздномъ городѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что это будетъ не сѣздъ трехъ судей, не сѣздъ одной магистратуры, а сѣздъ трехъ различныхъ органовъ юстиціи, а именно: судьи, прокурора и защитника (въ уголовномъ дѣлѣ), или же судьи, адвоката истца и адвоката отвѣтчика (въ гражданской). Но вотъ тутъ-то и необходимо было бы допустить: въ первомъ случаѣ—равноправность защиты съ обвиненіемъ, такъ чтобы защита не могла быть, какъ и обвиненіе, ни удаляема изъ засѣданія, ни лишена слова; а во второмъ—то же самое преимущество должно быть присвоено обоимъ адвокатамъ, повѣреннымъ обѣихъ сторонъ. Такого рода сѣздъ отправлялъ бы три различныя функціи. Одну изъ нихъ онъ отправлялъ бы въ качествѣ второй инстанціи для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ единоличнымъ судьей, въ его качествѣ мирового и амбулаторнаго судьи; причемъ въ сѣздѣ этомъ мѣсто председателя занимаетъ не самъ судья, а слѣдователь того

же уѣзда. Другую функцію съѣздъ этотъ могъ бы отправлять въ качествѣ первой инстанціи, по отношенію ко всѣмъ дѣламъ исправительнымъ, а изъ числа гражданскихъ—къ дѣламъ свыше 500 рублей; причемъ, предсѣдательствуетъ въ этомъ съѣздѣ самъ мѣстный судья. Наконецъ, третью категорію дѣлъ, чисто-уголовную, тотъ же съѣздъ и въ томъ же составѣ рассматриваетъ при участіи присяжныхъ засѣдателей въ качествѣ первой и послѣдней инстанціи, кромѣ, разумѣется, кассационной. Но такъ какъ при единоличности суда вся безопасность правосудія можетъ быть основана только на правахъ самихъ сторонъ, и такъ какъ это въ особенности важно въ дѣлахъ уголовныхъ, то защитникъ по этимъ дѣламъ долженъ быть назначаема, также какъ и самъ прокуроръ, отъ короны. Если же это показалось бы почему либо неудобнымъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть, по крайней мѣрѣ, избираемъ отъ земства, и имъ же, въ такомъ случаѣ, и оплачиваемъ. Защитники же по гражданскимъ дѣламъ могутъ быть частными, вольными повѣренными, избираемыми самимъ истцомъ и самимъ отвѣтчикомъ. Трехъ или четырехъ амбулаторныхъ товарищей прокурора и трехъ или четырехъ такихъ же амбулаторныхъ земскихъ защитниковъ было бы, какъ кажется, довольно въ Архангельской губерніи для того, чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ могъ состояться съѣздъ каждый мѣсяць. Впрочемъ, не бѣда, если бы ихъ потребовалось и по шести или семи на цѣлую губернію, т.-е. такъ, чтобы они могли изъ амбулаторныхъ обратиться въ осѣдлыхъ, могли постоянно пребывать въ мѣстахъ пребыванія единоличныхъ судей, и тѣмъ выигрывать много времени отъ разъѣздовъ на самое дѣло. Эта послѣдняя концепція чуть ли даже не выгоды, потому что они, во время отсутствія и судьи, и слѣдователя, могли бы исполнять роль настоящихъ членовъ суда, т.-е. принимать здѣсь апелліаціи и исковыя прошенія, готовить дѣла къ слушанію въ съѣздѣ и вообще снимать съ судьи всю формальную сторону дѣла. Прокуроръ могъ бы дѣлать это по отношенію къ дѣламъ уголовнымъ, защитникъ—къ гражданскимъ. Затѣмъ въ губернскомъ городѣ необходима коллегіальная инстанція, и можетъ быть, даже въ видѣ двухъ коллегій: одной уголовной и другой гражданской. Первая служила бы, во-первыхъ, для преданія суду по чисто-уголовнымъ обвиненіямъ, во-вторыхъ, для разсмотрѣнія исправительныхъ дѣлъ, въ качествѣ второй, апелліаціонной инстанціи, и въ-третьихъ для случаевъ дисциплинарнаго производства надъ единоличными судьями. При ней долженъ состоять, конечно, прокуроръ и непремѣнный защитникъ, т.-е. предсѣдатель всѣхъ земскихъ защитниковъ. Вторая коллегія была бы апелліаціонною инстанціею для всѣхъ дѣлъ гражданскихъ цѣною свыше 500 р. При ней имѣютъ состоять вольные или частные присяжные повѣренные, дисциплинарная власть надъ коими можетъ быть ввѣрена совѣту ихъ, состоящему подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго или земскаго защитника губерніи.

Но такъ какъ центръ тяжести всей подобной системы лежалъ бы, очевидно, въ мѣстныхъ единоличныхъ судьяхъ и слѣдователяхъ, то сюда же надо было бы сдвинуть и центръ всѣхъ гарантій. А изъ нихъ едва ли есть другая столь дешевая и столь дѣйствительная гарантія, гораздо болѣе дѣйствительная, чѣмъ всякая коллегіальность и чѣмъ самое даже равноправіе защиты и обвиненія, какъ поднятіе права самихъ сторонъ. Уставы наши предоставляютъ имъ свободное

право жалобы на судъ, но не на судью. А между тѣмъ для нихъ иногда не столько обидны рѣшенія и приговоры судьи, сколько личные дѣйствія и поступки его, каковы преступленія должности и причиненіе вреда и убытковъ. Если внутренняя Россія можетъ еще сколько нибудь мириться съ недоступностью для нея жалобъ на эти предметы, то такія отдаленныя и мрачныя окраины, какъ Архангельская губернія или Сибирь, могли бы задохнуться подъ властью единоличныхъ судей, свободно контролируемыхъ только въ своихъ рѣшеніяхъ, но не въ своихъ злоупотребленіяхъ. А потому облегченіе права жалобы на эти злоупотребленія составляетъ для такихъ медвѣжьихъ угловъ вопросъ жизни и смерти правосудія; иначе сибирскіе гг. Оголины далеко могли бы превзойти кавказскихъ. Для облегченія же этого надо было бы допустить право жалобы на судью прямо въ губернской коллегіальной судъ, по его уголовному отдѣленію, и безъ всякаго предварительнаго на то разрѣшенія; причемъ уголовное отдѣленіе или оканчиваетъ дѣло дисциплинарнымъ порядкомъ, или же передаетъ обвиняемаго суду, который долженъ быть произведенъ или гражданскимъ отдѣленіемъ, или въ соединенномъ присутствіи обоихъ. Само собою разумѣется, что второю инстанціею такого суда долженъ быть кассационный сенатъ. При такой новой уздѣ ни единоличный судъ, ни соединеніе въ немъ обѣихъ юстицій, не были бы нисколько опасны для населенія, потому что такая узда восходитъ на степень той высшей изъ гарантій, которая состоитъ въ личномъ достоинствѣ судебного персонала. А безъ этихъ двухъ условій: единоличности и единосистемности суда, едва ли мыслима и самая реформа въ забытыхъ губерніяхъ.

С.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НА АМУРЬ.

Многіе десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ началось заселеніе Приамурскаго края. Правительство всѣми силами старалось открыть переселенцамъ средства къ переселенію. Въ 1861—1867 гг. спеціально для нихъ были изданы Высочайше утвержденныя правила о заселеніи Приамурскаго края. Правилами этими для переселенцевъ предоставлялись огромныя преимущества. Прибывшіе на Амуръ поселенцы изъ Россіи и Сибири получали на первое обзаведеніе скотъ, хлѣбъ и земледѣльческія орудія. Они были освобождены, какъ и теперь, отъ рекрутской повинности и др. налоговъ государства, они же сами выбирали для себя удобныя мѣста для заселенія; несмотря на это, колонизація края туго подвигалась и подвигается впередъ. Быть можетъ, по официальнымъ даннымъ, край этотъ находится и въ хорошемъ положеніи, но на дѣлѣ этого не видно. Постараюсь очертить бытъ тамошнихъ крестьянъ - переселенцевъ, — поселенцевъ старообрядцевъ, молоканъ и др. сектантовъ. Начну съ Приморской области. Переселеніе крестьянъ изъ губерній Россіи производилось слѣдующимъ образомъ. Малоземельные крестьяне - собственники, желая получить больше земли и лѣстяться разбогатѣть въ новомъ краѣ, покидали свою родину, продавъ предварительно, за безцѣнокъ, свой крестьянскій скарбъ. Пускались въ дальнюю дорогу и прибывали на Амуръ, чрезъ годъ и болѣе. Но надо было видѣть на мѣ-

стѣ, какіе это были переселенцы. Оборванные, голодные, пропитываясь дорогой подаемъ, они представляли изъ себя весьма непривлекательныхъ колонистовъ Амурскаго края. Правительство снабжало этихъ переселенцевъ хлѣбомъ, скотомъ и иногда нѣкоторыми земледѣльческими орудіями, съ тѣмъ, чтобы за все это переселенцы внесли извѣстную плату казнѣ въ опредѣленные сроки. Только немногіе платили свой долгъ. Другія семейства переселенцевъ передавали свой долгъ изъ рода въ родъ, пока правительство, убѣдившись, что съ подобныхъ семействъ нельзя ничего получить, слагало эти недоимки. Все это разоряло только казну и не доставляло особаго благодѣянія и переселенцамъ. Мѣста, которыя выбирали для себя переселенцы, оказывались или неудобными, или же неподходящими. Избраніе Николаевскій и Софійскій округа, — только и существовали огородничествомъ и въ незначительной степени земледѣіемъ. Переселенцы же Ханкайскаго и др. смежныхъ округовъ, хотя и получали съ избыткомъ за свои труды хлѣба, но по неустройству путей сообщенія, не могли сбывать свои произведенія, хотя бы на промѣнъ необходимаго въ крестьянскомъ быту. — На островѣ Сахалинѣ тоже неудалась колонизація. Здѣсь, для испытанія, было поселено въ долину рѣки Такай нѣсколько семействъ. Мѣсто поселенія хотя оказалось плодороднымъ, но годами заливалось водою и крестьяне не умирали съ голоду благодаря только поддержкѣ правительства безвозвратными ссудами. Не лучшая жизнь и поселенцевъ, освобожденныхъ отъ работъ (каторжныхъ) и причисленныхъ къ селеніямъ. Лѣтомъ, благодаря пріесякамъ купца Тетюнова и пароходству, они находятъ себѣ работу, но осенью, возвратившись съ промысловъ, пропиваютъ заработанные деньги и цѣлую зиму влчатъ свое жалкое существованіе, переполюя остроги, а администрація же посылаетъ ихъ въ округа и не выдаетъ имъ, подобно переселенцамъ, пособія на обзаведеніе, а почему? я до сихъ поръ не могу понять. Нашлось бы, конечно, не мало и изъ поселенцевъ, которые, испытавъ тяжелую работу въ рудникахъ, захотѣли бы пожить на свободѣ другою жизнью. А вѣдь каждый годъ сколько людей кончаютъ работу на Сахалинѣ и выходятъ на свободу. Между ними есть много земледѣльцевъ и разныхъ мастеровъ. Спрашивается, что-то будетъ съ этими людьми, если не позаботятся объ ихъ устройствѣ. Почему бы не устроить въ Хабаровкѣ, Софійскѣ, Владивостокѣ, Николаевскѣ и Екатерино-Никольскомъ, — рынки для сбыта крестьянами своихъ произведеній, подобно тому, какъ это сдѣлано въ Благовѣщенскѣ и др. мѣстахъ. Въ Амурской области переселенцы живутъ сравнительно лучше, чѣмъ ихъ собратья въ Приморской области. Тутъ устроены сносные пути сообщенія, есть мѣста, куда сбывать свои произведенія и земля гораздо плодороднѣе, чѣмъ въ Приморской области. При томъ же, кромѣ переселенцевъ, здѣсь занимаются земледѣіемъ сосланные сюда разные сектанты и старообрядцы; они же занимаются и торговлей. Но и въ Амурской области неумѣлость пользоваться трудомъ, апатичность и напрасное преслѣдованіе администраціей сектантовъ, дѣлаютъ свое дѣло *). Экономическіе магазины крайне плачевны и, что всего хуже, такъ это то, что мѣстная администрація не

*) О старообрядцахъ мы поговоримъ подробно въ другой статьѣ. Теперь же мы не будемъ касаться этого вопроса.

имѣть полныхъ свѣдѣній объ этомъ. Въ деревняхъ хотя и имѣются школы, но управляемыя нянницами, оставшими солдатами или такими же писарями, приносятъ мало пользы; а въ Приморской обл. народное образованіе въ средѣ сельскаго населенія подвигается и устроивается туго. Изложивъ положеніе переселенцевъ въ Приамурскомъ краѣ, желательно, чтобы при разработкѣ этого вопроса было обращено вниманіе на нашу далекую окраину и были бы приняты слѣдующія мѣры: 1) улучшеніе быта поселенцевъ; 2) устройство въ Благовѣщенскѣ и Хабаровкѣ переселенческихъ конторъ; 3) предоставленіе выбора мѣста самимъ переселенцамъ; 4) снабженіе переселенцевъ современными земледѣльческими орудіями, пріучивъ обращенію съ ними чрезъ опытныхъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ Россіи; 5) учрежденіе школъ и различныхъ хозяйственныхъ фермъ; 6) запрещеніе чиновникамъ брать подряды и строить въ округахъ мельницы посредствомъ подставныхъ лицъ; 7) устройство сносныхъ путей сообщенія; 8) производство переписи всѣмъ находящимся въ Уссурийскомъ краѣ манзамъ *), подчиненіе ихъ нашему подданству или удаленіе ихъ изъ предѣловъ этого края; 9) поощреніе фабрикъ и заводовъ; 10) уменьшеніе кабаковъ по деревнямъ и уничтоженіе тайной продажи вина на Сахалинѣ; 11) опредѣленіе въ этотъ отдаленный край людей честныхъ и испытанныхъ, а не искателей богатства и авантюристовъ. Въ заключеніе, нельзя не пожелать, чтобы переселенцы для Приамурскаго края вызывались болѣе не изъ внутреннихъ губерній Россіи, а изъ Сибири, подобно тому, какъ это дѣлаетъ нашъ сосѣдь, Китай **).

М.

ХРОНИКА.

Отъ жизни города надо когда нибудь, читатель, перейти къ жизни деревни и ея „злоте днѣ“. Эта деревня также жаждетъ гласности, имѣетъ повѣсть своихъ страданій и даже можетъ быть болѣе трогательную, чѣмъ городъ. Сибирская деревня оригинальна по складу, въ ней нѣтъ тѣхъ элементовъ, какъ въ деревнѣ Европейской Россіи, нѣтъ того феодальнаго, крѣпостнаго склада, нѣтъ борьбы съ землевладѣльцами. Но она имѣетъ свои неудобства, свои печали; помещика у нея замѣняетъ исправникъ и засѣдатель, эксплуататоромъ ея является кулакъ. Самодѣятельности, живучести, стремленія къ благосостоянію среди свободнаго сибирскаго крестьянства больше, духъ его бодрѣе, но за то и давленіе, какъ и произволъ, обрушаются здѣсь безцеремоннѣе; мелкая власть въ Сибири менѣе уважаетъ законы, менѣе страшится. Тѣмъ не менѣе и въ сибирскомъ сельскомъ обществѣ пробуждаются общественные интересы, является стремленіе даже къ просвѣщенію. Борьба этихъ пробуждающихся силъ, здоровыхъ стремленій и поползновеніе защитить себя отъ грубаго беззаконія и насилія, борьба за право существованія, составляетъ драму настоящей жизни. Мы приводимъ нѣсколько тому примѣровъ.

*) Этихъ хищниковъ уже нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ въ краѣ.

**) Последнее указаніе автора статьи мы находимъ весьма заслуживающимъ вниманіе. Естественная народная колонизація въ Сибири распространяется именно такимъ образомъ. Изъ Европ. Россіи въ Западную Сибирь и изъ Западной Сибири крестьянство двигается въ Восточную, такъ сказать, колонисты переходятъ изъ сада въ садокъ. Такое передвиженіе ближе и могло бы совершенно избавить отъ излишнихъ затратъ на перевозку.

Редакт.

Вотъ что творится, напримѣръ, въ Харашибирѣ, Верхнеудин. окр. „Только что открытое здѣсь приходское училище, по волѣ училищнаго начальства, уже кончило свое существованіе. Исторія эта весьма печальна. Въ мухоршибирской волости, съ населеніемъ 7,500 душъ муж. пола (ревизскихъ 4,660), только одно приходское училище, въ которомъ отъ 9 до 17 человѣкъ учащихся, хотя въ томъ только селеніи, гдѣ находится училище, 669 душъ муж. пола. Малый процентъ учащихся объясняется тѣмъ, что въ этомъ селеніи живутъ почти одни старообрядцы, которые избѣгаютъ казенныхъ училищъ и даже ученія на дому, хотя и участвуютъ въ содержаніи школы. Харашибирское же селеніе состоитъ изъ 750 душъ муж. пола, переселившихся малороссовъ (не-раскольниковъ). Плата на содержаніе мухоршибирскаго училища, они, при всемъ своемъ желаніи учить своихъ дѣтей, не могли, за дальностью разстоянія, воспользоваться мухоршибирскимъ училищемъ и содержали учителей поселенцевъ, которые и учили дѣтей по псалтырю и часослову; съ этихъ же книгъ учили и писать. Сколько дѣти ни учились у поселенцевъ, кромѣ чтенія церковныхъ книгъ парасиѣвъ, ничему не научились. Крестьяне наконецъ и сами сознали бесполезность такой грамоты и стали подумывать, какъ бы найти хорошаго учителя, хоть бы такой учитель и дороже стоилъ. Обратились за совѣтомъ къ мѣстному священнику, который и присовѣтовалъ просить начальство объ открытіи у нихъ приходскаго училища. Подъ руководствомъ священника, написали общественный приговоръ такого содержанія, что общество желало бы открыть въ своемъ селеніи приходское училище, на содержаніе котораго ассигнуеть на каждый годъ по 300 руб. учителю, и по 25 руб. на учебныя пособія и книги, а остальное: прислуга, квартира, дрова и проч.—натурою. Приговоръ, по подписаніи всѣми общественниками и утвержденіи волостнымъ правленіемъ, представленъ былъ въ Читту. Проходитъ годъ, отвѣта нѣтъ; пишутъ и туда же представляютъ другой такой же приговоръ. Отвѣта нѣтъ. Опять чрезъ годъ представляютъ третій приговоръ. И вотъ, вдругъ, безъ всякаго предувѣдомленія общества, въ декабрѣ 1881 г., является учительница и предъявляетъ обществу денешу г. Майделя, что она назначена учительницей харашибирскаго приходскаго училища; крестьяне совѣмъ растерялись. Не будучи увѣрены, что и по третьему ихъ приговору начальство сообразовитъ что либо сдѣлать, они не позаботились о приготовленіи для училища квартиры, мебели и учебныхъ книгъ и пособій, а тутъ вдругъ учительница свалилась имъ, какъ снѣгъ на голову. Да притомъ-же она учить по псалтырямъ и въ грязной конурѣ, гдѣ учили поселенцы, наотрѣзъ отказалась. Собралось общество къ священнику, судили-рядили и ковчили тѣмъ, что вручили учительницѣ 25 руб. и отправили ее въ городъ, за покупками нужныхъ книгъ и учебныхъ пособій,—благо дѣло было наканунѣ рождественскихъ праздниковъ. Въ началѣ января явилась и учительница съ купленными книгами. Квартиры удобной для училища въ селѣ не оказалось, а приспособить какой-нибудь домъ для этой цѣли, въ зимнее время—немыслимо. Съ грѣхомъ пополамъ принесли крестьянскую избу, маленькую, сырую и угарную и въ ней кое-какъ устроили училище. Учениковъ, въ первые же дни, набралось 57 человѣкъ, и маленькая изба училища оказалась биткомъ набитою учениками. Всѣ они оказались дѣти бѣдныхъ родителей, мѣстные же мірошды-богачи сразу дѣтей своихъ не послали въ школу, желая присмотрѣться, ладно-ли будетъ учить „баба“. Когда же, чрезъ долгое время, они надумались послать своихъ дѣтей въ школу, то учительница, о, ужасъ! ихъ, кулаковыхъ дѣтей, осмѣлилась не принять, по той, будто бы, причинѣ, что и ранѣе принятія не вмѣщаются въ маленькой избушкѣ училища. „А, голубушка! за наши деньги ты вздумала пренятствовать нашему праву? погоди, мы протремъ тебѣ глаза!“ Дѣйствительно съ этого времени пошли передраги. Мірошды стали стоваривать общество не платить учительницѣ жалованья, а предложить ей требовать его отъ волостнаго правленія, такъ какъ общество много лѣтъ платило на содержаніе мухоршибирскаго училища, которымъ однако не пользовались харашибирцы. Учительница обратилась въ волостное правленіе о выдачѣ ей жалованья; къ счастью въ волостномъ правленіи оказалось свободныхъ денегъ, принадлежащихъ харашибирскому обществу, 50 руб., которые ей, въ счетъ жалованья, и выдали. Общество, увидя изъ этого, что слова мірошдовъ сбываются, на томъ и положило, что жалованье учительницѣ будетъ платить волостное правленіе.

Приходитъ время, учительница опять проситъ заслуженное жалованье. Денегъ нѣтъ. Опять жалобы. Волостное правленіе увѣдомляетъ, что больше тамъ денегъ харашибирскаго общества нѣтъ и что училище, открытое по желанію этого общества, должно на его средства и содержаться. Собралось общество сдѣлать раскладку на содержаніе своего училища, родители учащихся въ школѣ дѣтей изъявили полное свое согласіе платить, сколько по раскладкѣ съ нихъ придется; остальные же, наученные кулаками и сами кулаки, заявили, что имъ училища не нужно, а кому нужно, пусть тотъ и платитъ. Сколько священникъ ни уговаривалъ, мірошды остались непреклонны. Такимъ образомъ раскладки на училище и не состоялось. Священникъ отправился въ деревни своего прихода, уговаривать крестьянъ принять участіе въ содержаніи харашибирскаго училища и общимъ совѣтомъ порѣшили: просить начальство о раздѣленіи мухоршибирской волости на двѣ половины, чтобы одна половина содержала харашибирское, а другая мухоршибирское училище. На этотъ компромисъ всѣ, до одинаго человѣка, изъявили полное согласіе, находя для себя необременительнымъ, вмѣсто 12 к., платить 24 к. (на содержаніе мухоршибирскаго училища общество отпускаетъ 566 руб.; на ревизскую душу надаетъ по 12 коп. Если бы столько же отпускать и для харашибирскаго училища, то на содержаніе обоихъ училищъ пришлось бы съ ревизской души по 24 коп. въ годъ). Обо всемъ этомъ написали какъ общества, такъ и священникъ подлежащему начальству и ожидали рѣшенія судьбы училища. Вдругъ, 5 мая, пріѣзжаетъ инспекторъ. Собрались къ нему мірошды, наговорили, что учительница худая, да и училища-то имъ вовсе не нужно, что все это затѣи священника и т. д. О пріѣздѣ же такого большаго начальника, ни священнику, ни учительницѣ никто не обмолвился. 6 мая былъ мѣстный праздникъ. Учительница, сводивъ учениковъ въ церковь, послѣ обѣдни распустила ихъ по домамъ и отправилась къ священнику въ гости, не подозревая, что на обывательской квартирѣ сидитъ ее начальникъ. Вдругъ является изъ училища мальчикъ и заявляетъ, что инспекторъ требуетъ учительницу въ школу. Такому пріѣзду священникъ весьма обрадовался, надѣясь, что инспекторъ разъяснитъ крестьянамъ ихъ обязанности къ училищу и будетъ имѣть на нихъ рѣшающее вліяніе. Придя въ школу, священникъ увидѣлъ картину, обдавшую его какъ ушатомъ холодной воды. Въ переднемъ углу столпилось человѣкъ 15 учениковъ, съ учительницей во главѣ; у дверей человѣкъ 10 крестьянъ изъ мірошдовъ и ихъ послѣдователей. По срединѣ комнаты г. инспекторъ, въ грозной позѣ, съ поднятыми кулаками, наступая на учительницу: „Ви кудой учительница, я будетъ вонъ вышвырять!“ Крестьяне-кулаки видно были довольны такимъ оборотомъ дѣла и тоже храбро наступали на учительницу съ своими претензіями, что учительница учила дѣтей только „шипѣть да хрипѣть“ (звуковая метода) и то только до обѣда, а затѣмъ ребяташки балуютъ по улицамъ. Словомъ, на учительницу устроена была настоящая травля. Выведенная изъ терпѣнія, учительница сквозь слезы заявила инспектору: „если вамъ угодно обревизовать училище и сдѣлать испытаніе ученикамъ, я къ вашимъ услугамъ, если же вы пожаловали только для того, чтобы оскорбить меня и дозволить то же дѣлать крестьянамъ, то я вынужденной найдусь оставить училище и довести главному инспектору какъ о настоящемъ случаѣ, такъ равно и о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ за прошлое время“. Не владившій собой, ревизоръ убѣжалъ изъ училища. Тѣмъ и кончилась ревизія училища. Съ глубокою грустію вышелъ изъ училища священникъ, которому въ своихъ радужныхъ надеждахъ такъ горько пришлось разочароваться. На слѣдующій день получается изъ волостнаго правленія на имя старшины распоряженіе инспектора о совершенномъ закрытіи харашибирскаго училища, а на имя учительницы о томъ, что она за отлучку въ декабрѣ мѣсяцѣ въ городъ (какъ выше сказано за покупками книгъ и учебныхъ пособій), безъ его инспекторскаго разрѣшенія, увольняется отъ службы безъ прошенія и что она имѣетъ право на полученіе жалованья не со дня назначенія въ Харашибиръ, съ 20 ноября, а только съ 13 января по 5 мая. Замѣчательно, что здѣшній инспекторъ почему-то не любитъ учителей и учительницъ, имѣющихъ свидѣтельства учительской семинаріи, гимназій и института. Для него кажутся болѣе пригодными учителя „домашняго изготовленія; они хоть и безграмотны, за то не дозволяютъ себѣ разсужденій съ начальствомъ, а только

вытягиваются въ струнку и на замѣчанія отвѣчаютъ: „точно такъ-съ, слушаю-съ“ и т. д. Получивъ официальное извѣстіе о закрытіи училища, крестьяне крѣпко призадумались, что имъ дѣлать, гдѣ найдти учителя? Предлагали учительницѣ остаться на прежнихъ условіяхъ, но она не согласилась“.

Далѣе, намъ доставленъ въ копіи слѣдующій любопытный приговоръ крестьянъ одной деревни. Приговоръ сей гласитъ: „1881 года, іюня 27 дня, мы нижеподписавшіеся, довѣренныя отъ сельскихъ обществъ караганской волости, бывъ сего числа на волостномъ сходѣ, имѣли разсужденіе о слѣдующемъ: когда начинается промыселъ рыбы, т.-е. выставка самолововъ, время каждому крестьянину, прибывшему на промыселъ рыбы, крайне дорого, ему нужно и самоловы ставить, и садки для рыбы плести, и рыбу чистить и солить.—Между тѣмъ мѣстные—засѣдатель и благочинный, ежегодно прибывающіе на выставку, требуютъ отъ крестьянъ-рыбопромышленниковъ, чтобы они перевозили ихъ съ одного мѣста промысла на другое, требуютъ, чтобы крестьяне-рыбопромышленники плели имъ садки, чистили и солили имъ рыбу. Мы не говоримъ о томъ, что они пользуются даровою рыбою: давать имъ рыбу, — воля каждаго рыбопромышленника; но крайне несправедливымъ и незаконнымъ находимъ то, что для собственной ихъ пользы отнимается у крестьянъ-рыбопромышленниковъ много труда и времени, чѣмъ, разумѣется, немало наносится крестьянамъ и убытковъ. А такъ какъ засѣдатель и благочинный на промыселъ рыбы пріѣзжаютъ по собственнымъ надобностямъ, за сборомъ рыбы, а не по дѣламъ службы,—то мы по изложеннымъ соображеніямъ приговорили: въ предстоящей промыселъ рыбы, осенью сего года, засѣдателя и благочинному ни подводъ, ни крестьянъ, для ихъ надобностей, отъ артелей не давать; о чемъ и довести до свѣдѣнія ихъ чрезъ наше волостное правленіе; въ томъ и подписуемся“. Подобные акты доказываютъ, что въ крестьянскомъ сословіи пробуждается сознание правъ. Къ сожалѣнію, много труда будетъ, чтобы отстоять ихъ. Невольно рождается юридическій вопросъ: „Ну, а какъ засѣдатель-то пріѣдетъ за сборомъ рыбы по дѣламъ службы“?

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Омскъ (корресп. «Восточ. Обзор.»). Лѣто стояло прекрасное. Публика по обыкновенію собирается въ нѣкое подобіе деревенской пашкотинны, называемое у насъ «скверомъ»; аккуратно утаптываетъ дорожки, безъ умолку болтая о чиновныхъ пертурбаціяхъ, и въ сотый разъ пережевываетъ ходячія силетики. Впрочемъ, иногда появляются на сцену и своего рода «злобы» дня. Одной изъ такихъ «злобъ» недавно была подача въ отставку начальницей женской гимназіи г-жею Б—же. Всѣ, безъ различія чиновъ и званій, а главнымъ образомъ учащіеся обоюбого пола, наперерывъ другъ передъ другомъ разносили эту новость съ какимъ-то восторженнымъ видомъ. Съ лицъ же ученицъ исчезло обычное выраженіе пришибленности, контузій; ихъ разговоры стали дѣльнѣе и откровеннѣе и никто изъ нихъ не выразилъ сожалѣнія о бывшей начальницѣ. А между тѣмъ странно, эта начальница много лѣтъ держала судьбы женскаго просвѣщенія въ главномъ городѣ Западной Сибири. Ее находили прекрасной, милой, умной, просвѣщенной, и цѣлый городъ ей поклонялся. На самомъ дѣлѣ это не была даже кака-нибудь образованная педагогичка, ихъ у насъ не любятъ, а просто ловкая француженка, явившаяся avec son époux искать счастья въ Сибири. Она недурно играла на фортепьяно и еще лучше вела интриги. Подъ ея фортепьяно не мало натапцывалось мѣстное общество. Она играла судьбою учителей, вертѣла взятыми лицами, за ней ухаживали генералы. Словомъ, это была маленькая

Помпадуръ. Въ то время, когда учительское званіе такъ мало цѣнится въ Сибири, когда учительницы бѣдствуютъ въ селахъ, эта счастливица умѣла выдвинуться и получала съ мужемъ тысячи чetyре мѣсяца въ годъ, имѣла лошадей, экипажи, прекрасную квартиру. Теперь они, имѣя, конечно, деньги, возвратятся dans leur patrie и будутъ жаловаться на неблагодарную Сибирь. Еще немного лѣтъ и они имѣли бы круглое состояніе. Но, проведя столько лѣтъ въ довольствѣ и получая тысячи, всё-таки не мѣшаетъ сорвать и напоследокъ. Для этого только надо прикинуться черное платье, томные глаза, батистовый платокъ къ глазамъ и дѣло сдѣлано. «Encore cinq cent roubles!» Какъ счастливы разныя Бламанже въ Сибири! Эта госпожа протектировала и другимъ, въ ту же гимназію эта директриса выписала итальянца-перчаточника и его жену итальянку-красавицу; и та имѣла успѣхи. Говорятъ, что за заслуги начальницы ей уже присудили въ награду 500 р.; но наше общественное мнѣніе (если таковое здѣсь существуетъ), тоже не прочь бы дать ей аттестацію и награду, только другаго рода. О, сколько дѣтей перепорчено, извращено. Сколько интригъ проведено! Въ этомъ же мѣсяцѣ появился и приказъ объ отставкѣ Б—же, но только увольненіе почему-то послѣдуетъ съ 15 Августа. Насколько мнѣ извѣстно, какъ назначеніе на должность, такъ и увольненіе считаются со дня изданія приказа, а тутъ—приказъ издается въ іюнь, а отставка—въ августъ; но надо не забывать, что это происходитъ въ Сибири, для которой писанъ особый законъ. Можетъ быть, при этомъ имѣлась въ виду выдача жалованья за каникулы въ видѣ награды за усердные труды. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, и не отдохнуть лѣтомъ бѣдной труженицѣ на казенный счетъ; хотя, конечно, эти деньги могли бы пригодиться бѣднымъ ученицамъ. Беречь дѣтей мы готовы, только не отъ того, отъ чего слѣдуетъ. Одинъ папенька недавно запретилъ дочкѣ читать «Гнилыя болота» Михайлова, а другой запираетъ ворота среди бѣлаго дня на замокъ и ставитъ гайдука съ дубиной, чтобы оградить нѣжныя созданія отъ вишняго міра. Словомъ, опекаемъ. Сегодня дѣтская, завтра—тюрьма!

Иркутскъ (корресп. «Восточ. Обзор.»). Не безызвѣстно, что на золотыхъ промыслахъ Сибири въ тайгѣ и въ лѣсахъ творится и практикуется многое такое, что еще не выходило на свѣтъ Божій. Золотопромышленность, въ противоположность всѣмъ другимъ промысламъ и производствамъ, существуетъ на особыхъ основаніяхъ. Здѣсь весь рабочій людъ отданъ въ полное распоряженіе хозяина, который, связавъ рабочаго двусмысленными контрактами, что хочеть, то и дѣлаетъ. Золотопромышленникъ прикрывается своей безпомощностью и незащитностью, при скопленіи распушеннаго и сборнаго народа, поэтому онъ исхлопоталъ себѣ, такъ сказать, чрезвычайныя права. Въ помощь промышленнику дается казачья команда для охраненія порядка. На самомъ дѣлѣ, положеніе золотопромышленника не такъ плачевно. Вся сила на его сторонѣ и собраніе закабаленныхъ рабочихъ, полуголодныхъ, буйныхъ только въ деревняхъ во время выхода съ пріисковъ въ пьяномъ видѣ, не представляетъ никакой опасности на пріискѣ, гдѣ ихъ могутъ оставить безъ хлѣба и гдѣ вина трудно достать, такъ какъ тайная продажа преслѣдуется.

Тѣмъ не менѣе съ рабочими обращаются весьма безцеремонно. Надняхъ изъ этого возникло волненіе на пріискахъ Базанова. Казачій сотникъ Пащенко безъ особаго повода арестовалъ и засадилъ въ мѣстный клоповникъ двухъ рабочихъ, вина которыхъ была въ томъ, что они навеселѣ играли на гармоніи. Народъ собрался и, предъявивъ несправедливость распоряженія, просилъ товарищей освободить. Казакъ, давно отличавшійся безобразіями и ведшіи нетрез-

вую жизнь, сѣлъ на коня, взялъ нагайку и ринувшись въ толпу началъ хлестать ее. Кинуться въ народъ, хлестать людей было пьянымъ безуміемъ и дикимъ самодурствомъ. Буяна стащили съ лошади и избили. Народъ еще болѣе заволновался. Служащіе донесли тогда, что на прінскѣ «бунтъ». Всегда такъ: не даютъ бить въ зубы—такъ «бунтъ». Готова была загорѣться исторія, но послали удостовѣриться. Между тѣмъ П. такъ былъ избитъ, что умеръ. Это вторая уже исторія безпорядковъ на прінскахъ у Базанова. Въ Иркутскѣ однако эта фирма пользуется благоволеніемъ.

Барнаулъ, 27-го іюля (корреспонд. «Восточнаго Обозрѣнія»).

Лѣтомъ нынѣшняго года, на лѣвомъ берегу рѣки Томи, отданномъ двумъ компаніямъ, начались работы по добычѣ золота. К^о Асташева и Гинцбурга въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ сдала въ казну (съ промысловъ Спасскаго и Царевониколаевскаго) 5 пудовъ 13 фун. 60 зол. 60 дол. К^о Мальцова, хотя еще капитальныхъ работъ не начинала, но отъ развѣдокъ и отъ незначительныхъ работъ сдала уже 1 пудъ 22 фунта 19 зол. 72 доли. Въ первой К^о занято капитальными работами около 250 человекъ и столько же находится въ развѣдочныхъ партіяхъ. Обѣ К^о не успѣли доставить на прінски новыхъ золотопромывальныхъ машинъ и производятъ промывку машинами нѣсколько усовершенствованными противъ тѣхъ донотонныхъ, какими довольствовались алтайскіе горные инженеры. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы явились новыя машины, то золота было бы добыто вдвое больше. Да къ тому же компаніи, обладающія легкою возможностью захвата и остальной части Алтая, не сѣшатъ, а напротивъ, стараются скрыть дѣйствительныя богатства, и потому до окончательнаго осуществленія своихъ замысловъ предполагаютъ ограничиться добычею золота только въ размѣрѣ достаточномъ для покрытія расходовъ, а потомъ покажутъ все, чѣмъ ихъ надѣлили наши дѣльцы. Асташеву, говорятъ, уже намѣченъ Салаирскій край и онъ, будучи въ Барнаулѣ, поручилъ одному лицу, хорошо знакомому съ той мѣстностью, составить подробное описаніе тамошнихъ минеральныхъ богатствъ *). Все даннаго свидѣлствуютъ, что не далеко то время, когда Салаиръ ускользнетъ и отъ Кабинета, и отъ населенія и попадетъ въ руки людей, немѣющихъ никакихъ правъ, кромѣ права сильного... Недаромъ же наши дѣльцы случайно открыты тамъ золотоносныя россыпи признали незаслуживающими разработки и негодными, что простые рабочіе открыли то, что надлежитъ до времени содержать въ секретѣ. Мы можемъ увѣренно сказать, что алтайскія богатства умышленно скрывались и забрасывались, и что горные инженеры способны продать не только земли, но пустить съ молотка, если бы это было можно, и обездоленныхъ ими же обывателей Алтая. Остается только сожалѣть о печальныхъ фактахъ отчужденія достояній страны, удобренной, такъ сказать, потомъ и кровью ея населенія, фактахъ, совершающихся въ то время, когда правительство, надрывающая силы, и жертвуя частью государственныхъ доходовъ, стремится улучшить экономическій бытъ народа и облегчить его тяготы. Факты эти тѣмъ болѣе поразительны, что въ это именно время благоденствуютъ люди, рвущіе послѣднее у того же народа, люди отдающіе его въ закрѣпощеніе и кабалу какимъ-то капиталистамъ. Скорбь и сожалѣніе еще удваиваются, доходя до отчаянія, потому что алтайцы въ данномъ случаѣ не столько печалются о потерѣ средствъ матеріальныхъ, безспорно принадлежащихъ имъ, сколько о томъ, что они составляютъ какъ-бы ис-

*) Просимъ не подуматъ, что лицо это горный инженеръ. Нѣтъ. Простые смертные гораздо лучше знаютъ край и его богатства, и за различное вознагражденіе укажутъ все, что нужно.

ключеніе изъ великой русской семьи... Ихъ просто-на-просто грабили безнаказанно.

Зло отъ отдачи сказаннымъ компаніямъ лѣваго берега рѣки Томи уже осязательно выразилось тѣмъ, что компанія немедленно согнала съ золотоносныхъ рѣчекъ золотничниковъ *), запретивъ имъ не только добычу золота, но даже жительство тамъ, лишивъ этимъ способомъ хозяйствъ, осѣлости и заработковъ не одну тысячу народа. На первый разъ и это достаточно уясняетъ, какихъ благъ надо ожидать отъ ворвавшихся сюда компаній; а что будетъ дальше, когда эти почетные гости овладѣютъ всеми богатствами Алтая,—покажетъ время... Кромѣ того, ходятъ слухи, что инородцы, живущіе по притокамъ Томи, тоже терпятъ отъ компаній различныя притѣсненія, но какъ эти слухи еще требуютъ подтвержденія, то мы находимъ достаточнымъ ограничиться только заявленіемъ весьма возможныхъ и даже неизбежныхъ послѣдствій.

Такъ жестоко и безчеловѣчно глумиться надъ народомъ могутъ только одни алтайскіе дѣльцы, которые, хозяйничая въ краѣ по системѣ, имѣющей единственную задачу—собственное обогащеніе, мотивируютъ все свои хищническія дѣянія одной стереотипной фразой: «въ видахъ интересовъ Кабинета», тогда какъ эти-то самыя интересы ими же прежде всего окончательно попораны, а горное дѣло убито... Къ тому же компанія за монопольное право обладанія лѣвымъ берегомъ рѣки Томи обязались платить Кабинету такія незначительныя суммы, что не можетъ окупиться и десятая часть того зла, какое они нанесутъ краю. Затѣмъ изливше говорить, что Кабинетъ и казна отъ свободной промышленности получили бы гораздо больше выгоды, чѣмъ отъ монополии, и что ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы мѣнять народные интересы на интересы нѣсколькихъ близкихъ кому-то монополистовъ, которые, конечно, не допустятъ колонизаціи въ захваченномъ ими обширномъ краѣ.

Томскъ (корресп. «Вост. Обозр.»). Переселенцы все прибываютъ, но большею частью бѣдняки, которымъ безъ подалія нечѣмъ и кормиться. По всему видно, что переселеніе идетъ зря, безъ всякаго со стороны мѣстной власти желанія доставить удобства и облегчить эту трудную задачу на новой незнакомой родинѣ. Можно сказать, они брошены на произволъ судьбы; письма отъ земляковъ изъ Сибири—вотъ ихъ надежный коμισъ и путеводитель въ далекомъ странствіи. Когда они приходятъ, никто о нихъ не позаботится. Часто, на какомъ-нибудь тѣсномъ дворѣ увидишь десятки переселенческихъ новозокъ, десятки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, холодныхъ и голодныхъ, пронизываемыхъ вѣтромъ и дождями. И за этотъ пріютъ они должны платить деньги, а другаго нѣтъ. Между тѣмъ, такія крайне неблагопріятныя условія могутъ способствовать развитію болѣзней и занесенію ихъ въ наши города и села, то же нужно сказать и о скотѣ; не выгодно ли было бы отводить переселенцамъ и даже выстроить какой-либо баракъ, гдѣ бы они могли расположиться по-человѣчески.—Не одна бѣдность гонитъ переселенцевъ въ Сибирь, между ними хотя изрѣдка, попадаются и такіе, которые везутъ по нѣсколькимъ тысячамъ рублей денегъ. Въ газетахъ было сообщено, что изъ Россіи крестьяне бѣгутъ въ Сибирь, предпочитая удобства жизни въ Сибири и ея порядки. Намъ кажется это вздоромъ. Такого убѣжденія составить нельзя, да и неоткуда; переселенцы, прожившіе въ Сибири, могутъ своимъ землякамъ написать и засвидѣтельствовать, что и

*) Золотничниками называются вольные рабочіе, составляющіе небольшую артели, работающія на собственномъ содержаніи, безъ жалованья и своими орудіями, обязанныя сдавать золото въ казну за вознагражденіе по 2 руб. за золотникъ.

слухомъ не слышали о такихъ порядкахъ, какіе увидѣли въ Сибири. Чтобы сказать такъ, нужно совсѣмъ не имѣть о Сибири понятія. Есть ли въ мірѣ другая страна, въ которой бы процвѣтало въ такой же степени хищничество и кулачество значительной части населенія, наглый грабежъ и неслыханный, чудовищный произволъ власти, отъ волостнаго писаря до высшаго начальства включительно, гдѣ было бы столько повсюду разбросано штрафнаго элемента, принсковыхъ рабочихъ и проч. людей, вносящихъ растлѣніе и порчу нравовъ.—Какovy бы ни были порядки въ Россіи, они несомнѣнно лучше, гуманнѣе; въ Россіи есть случаи произвола, насилія, грабежа, а въ Сибири это нормальный порядокъ вещей, и если тебя не ограбили, не поиздѣвались, не уничтожили, такъ это просто случай.

Изъ Забайкальской области (корресп. «Восточн. Обозр.»). Всѣмъ въ Восточной Сибири извѣстна Кара—золотые прииски, гдѣ находится огромное скопленіе каторжныхъ вѣхъ категорій, кажется до 3,000. Работа, конечно, тяжелая, сообразная наказанію. Побѣги каторжныхъ не рѣдкость, но на уголовныхъ или гражданскихъ преступниковъ не обращаютъ вниманія, они бѣгаютъ постепенно, и Сибирь наводняется бродягами. Но надняхъ произошелъ побѣгъ, надѣлавшій шуму и тревоги. Бѣжали важные преступники. Какъ передаютъ, Самка-инженеръ (извѣстный по подкосу казначейства) и еще кто-то (кажется Мышкинъ). Говорятъ, даже ушло болѣе. Тотчасъ же начались розыски. Было сбито огромное число людей. Въ Забайкальи къ розыску бѣглыхъ сбивается часто все населеніе. Это мѣстная особенность. Иногда это хорошо, а иногда это ведетъ и къ расправѣ, которой законъ не указываетъ.

За поимку бѣглыхъ была обѣщана награда. Бѣглецы были пойманы. Одинъ изъ нихъ направился на Амуръ и достигъ будто бы Владивостока. Это не первая мечта бѣглыхъ достигнуть Амура, и всегда она бываетъ неудачна. Побѣгъ этихъ людей заставилъ мѣстное начальство обратить особенное вниманіе на содержаніе важныхъ каторжныхъ. Это повело будто бы къ обыскамъ, осмотрамъ, а тамъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Ожидаются слѣдствія и дознанія. Мы изъ осторожности не передаемъ всего, что разносятъ слухи, но люди знакомые съ положеніемъ говорятъ, что предвидятся нѣкоторыя измѣненія въ размѣщеніи каторжныхъ, и наиболѣе опасные элементы будутъ удалены далѣе, въ особыя тюрьмы.

Изъ Туркестанскаго края (корр. «Восточнаго Обозрѣнія»). Немало появлялось статей въ печати, воскуривающихъ ошіямъ администраціи Туркестанскаго края. Пресса, немѣющая почти никакихъ извѣстій съ далекихъ окраинъ, можетъ принять эти данныя за чистую монету и даже сдѣлать заключеніе, что на далекихъ окраинахъ реализовано общеніе русской народности съ туземною, что данъ толчокъ къ проведенію принциповъ русской культуры на далекихъ окраинахъ, во имя которыхъ покоренъ край. Замѣтимъ, что первыя данныя о порядкахъ, какъ фактъ, появились только въ «Спб. Вѣд.», 1881 г., №№ 246, 247, Тарновскаго. Попробуемъ поставить en principe вопросы, кто явился здѣсь пионерами русской мысли, кто работаетъ по вопросу реализаціи культуры въ туземномъ населеніи? Думаемъ, что для проведенія культуры, для распространенія хотя бы основныхъ принциповъ цивилизаціи въ такомъ темномъ углу, какъ Азія, да еще съ населеніемъ фанатически преданнымъ формѣ ислама, нужны культурныя силы, или говоря обыденно, головы съ запасомъ знаній, съ мышленіемъ и съ нравственными качествами. А потому, поставимъ вопросъ: изъ кого состоятъ эти силы, эти проводники русской культуры на далекихъ окраинахъ Азіи? Отвѣтъ, къ несчастью, несложный, хотя приходится писать не въ XVI вѣкѣ, а

въ 1882 году: изъ бывшихъ строевыхъ офицеровъ, изучавшихъ науку въ кадетскихъ корпусахъ, или въ юнкерскихъ училищахъ, изъ чиновниковъ, нигдѣ неучившихся и бывшихъ военныхъ писарей, дослужившихся до незабвеннаго «коллежскаго регистратора» и идущихъ все выше и выше по лѣстницѣ чиновъ!..

Что же это такое, спроситъ читатель,—вѣдь университетская молодежь ищетъ на Руси куска хлѣба, а на дальнемъ Востока проводниками русской культуры явились писаря и неучи чиновники 14-го класса?

Мы думаемъ, что причина этой грустной аномалии кроется въ преобладающемъ влияніи военной касты въ краѣ, въ ея принципѣ: «мѣнѣе младшаго ниже мѣнѣе старшаго». Всякій администраторъ, по совѣсти понимающій свое незнаніе административно-юридическо-финансовыхъ вопросовъ, стремится окружить себя неповинными въ мышленіи писарями. Тактика понятная, ибо развитый человекъ укажетъ администратору на его дѣйствія, немѣющая легальнаго характера, а писарекъ, пробивающій дорогу не головою, а спиною, признаетъ всякій вздоръ за благодѣаніе, способное облагодѣтельствовать не только туземцевъ, но и весь земной шаръ! И вотъ, благодаря этой тактикѣ, явились въ краѣ судьи-офицеры и верховные юристы, бывшіе штабные писаря. Какой концертъ, какія чудныя мелодіи получаются de facto, пусть читатель судитъ самъ! Переходя къ вопросу, въ чемъ проявилась русская культура въ краѣ, мы должны остановиться и долго, долго думать... Есть, правда, почтовые дороги, но опасныя для реберъ, о чемъ подробно писалось въ «Новомъ Времени», 1880—1881 гг. Есть клубъ въ областномъ городѣ и другія затѣи, мало пригодныя для народа. Есть переводчики, которыхъ можно купить и продать за рюмку водки и, кажется, это все, что есть. Посмотримъ лучше, что такое высшія учрежденія области, гдѣ рѣшаются все вопросы, и экономическіе, и юридическіе. Отвѣтъ на это мы получаемъ изъ циркуляра начальника края, 1878 г., № 131: «Областныя правленія, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состава, рѣшали дѣла вопреки прямого смысла закона». Итакъ, не найдя пока тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы указать на реализацію русской культуры въ краѣ, мы продолжаемъ искать эту ненайденную культуру и попробуемъ раздѣлить все населеніе края на два лагеря (здѣсь все по военному). Къ первому лагерю мы отнесемъ нашихъ администраторовъ, съ высоты величія относящихся къ туземцу, иногда мило и ласково съ нимъ говорящихъ, какъ съ ребенкомъ нѣжная мать, но признающихъ принципъ: «въ морду и въ нагайку». Хотя, скажемъ, между администраторами есть исключенія, но ихъ затираютъ, и мѣстные Скалозубы, укоряя ихъ, говорятъ: «что вы съ ними миндальничаете, въ морду ихъ (туземцевъ)». Второй лагерь—это люди проводящіе принципъ насчетъ «объегориванья»—это мѣстные Разуваевы отъ отставнаго рядоваго, барабанщика (теперь кунца) и до чиновника 10-го класса включительно. Мелкое чиновничество учитъ туземца «вышитъ» и занимаетъ деньги безъ отдачи. Въ дѣлахъ, конечно, эта мелкота изображаетъ начальство, помня принципъ бюрократіи: «народъ для нихъ, а не они для народа». Грустно, гадко. Но, слава Богу, есть вѣсти радостныя. Говорятъ: «Ревизія ѣдетъ»!!.

Z.

Изъ Кульджи (корресп. «Вост. Обозр.»). Половина осѣдлаго населенія Илійской долины уже переселилась въ наши предѣлы, другая половина, какъ извѣстно, перейдетъ осенью, по уборкѣ хлѣбовъ, для которой собственно и удержана эта половина на старыхъ мѣстахъ. Китайцы, видя безуспѣшность своихъ попытокъ остано-

вить переселеніе таранчей и дунганъ, начинаютъ вооруженною силою задерживать переселеніе киргизовъ. Такъ, киргизы Байджигитовской волости, перекочевывая постепенно ближе къ Сергіопольскому уѣзду, 29 іюня подошли къ Талкинскому перевалу, но дарыны, стоящія на Канагантазѣ и Талкахъ, не пропустили байджигитовъ, начавъ стрѣлять по нимъ. Раненыхъ и убитыхъ не было (убить впрочемъ барашекъ), лишь у киргиза Мангула прострѣлена одежда. Куда-рынь при этомъ говорилъ байджигитамъ: «Саганъ (управитель костаевской волости) остается у насъ и мы его не трогаемъ; если же вы не хотите оставаться, то мы васъ не пропустимъ».

Вотъ вамъ и свобода въ выборѣ подданства, выговоренная для населенія Илійской долины послѣднимъ трактатомъ нашимъ съ Китаемъ! Но такъ какъ тѣмъ же трактатомъ предоставлено Русскому правительству право защищать туземцевъ отъ насилій китайцевъ, то наше пограничное начальство предполагаетъ послать на Талкинскій перевалъ, для защиты байджигитовъ, нашего участкаго начальника.

Озабочивавшій наше начальство вопросъ о размѣщеніи кулджинскихъ кочевниковъ, изъявившихъ желаніе перейти въ русскіе предѣлы изъ Илійскаго края, отчасти разрѣшенъ: генералъ-адъютантъ Мещериновъ сообщилъ, что въ Семиналатинской области можно водворить до 3.000 кибитокъ кызаевъ и байджигитовъ, раздробивъ роды по уѣздамъ и волостямъ. Остается рѣшить—нельзя ли помѣстить означенныхъ киргизовъ въ Семиналатинской области не раздробляя родовъ, о чемъ и предстоитъ переговоры съ Семиналатинскимъ губернаторомъ, а пока приказано генералъ-адъютантомъ Колнаковскимъ направлять теперь же байджигитовъ въ Сергіопольскій уѣздъ.

КРѢПОСТНИЧЕСКІЯ ТРАДИЦІИ ВЪ СИБИРИ.

(Статья вторая).

Посмотримъ на положеніе и апогей крѣпостнаго права въ Сибири въ моментъ 19 февраля 1861 г., т.-е. maximum его развитія *).

«Къ этому времени, по X-й народной переписи считалось во всей Сибири 36 помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями и 70 безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ одними дворовыми людьми. Общее же число крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибири не превышало 3,701 человекъ мужскаго и женскаго пола, изъ которыхъ было до 900 дворовыхъ.

Изъ этихъ общихъ цифръ на долю Восточной Сибири приходится только 2 помѣщика съ имѣніями и 9 безпомѣстныхъ дворянъ, а всѣхъ крѣпостныхъ людей 297 человекъ обою пола, въ числѣ которыхъ было 146 дворовыхъ.

Затѣмъ, все остальное число помѣщиковъ и крѣпостныхъ находилось въ Западной Сибири, именно въ губерніяхъ:

	Товольской.	Томской.	Вообще въ Зап. Сибири.
Помѣщиковъ	28	6	34
Безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ дворовыми	40	21	61
Всѣхъ владѣльцевъ	68	27	95
Крѣпостныхъ крестьянъ обою пола	2,384	266	2,650
Дворовыхъ людей	616	138	754
Всѣхъ крѣпостныхъ людей	3,000	404	3,404

*) Для этого мы воспользуемся прекрасной статьей «Историческій очеркъ Западной Сибири въ Царствованіе Александра II», О. Н. Усова, въ «Памятной Книжкѣ Западной Сибири», 1882.

«Изъ означеннаго числа дворовыхъ показывались приписанными къ населеннымъ имѣніямъ 585 душъ обою пола, а остальные къ домамъ собственныхъ и постороннихъ владѣльцевъ. Изъ всѣхъ 34 имѣній большая часть принадлежала къ мелко и малопомѣстнымъ; такъ, 19 имѣній заключали менѣе 20-ти душъ мужскаго пола каждое, въ 12-ти помѣстьяхъ было отъ 20 до 100 душъ, и только въ 3-хъ имѣніяхъ считалось отъ 100 до 150 душъ. Подъ всѣми помѣстьями было занято 43,777 десятинъ удобной земли и 13,240 десятинъ неудобной. Самое большое по количеству земли имѣніе, состоявшее изъ двухъ деревень въ Туринскомъ округѣ, принадлежало роду бывшего Туринскаго воеводы Панаева; въ немъ считалось до 37,000 десятинъ пожалованной земли, но большинство помѣщиковъ имѣло земли гораздо меньше.

«Во время, предшествовавшее освобожденію крестьянъ, только въ двухъ помѣстьяхъ жили сами помѣщики, тремя имѣніями управляли особыя уполномоченныя помѣщиками лица, остальные же имѣнія находились подъ управленіемъ старостъ, которые иногда даже не знали о мѣстопребываніи своихъ господъ. Вообще, отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ въ Сибири имѣли иной характеръ, нежели въ Европейской Россіи. Въ этой послѣдней крестьянинъ находился въ экономической зависимости отъ помѣщика, такъ какъ дорожилъ землею, которою отъ него пользовался, видя въ ней главный источникъ своего обезпеченія. Въ Сибири же, при ея многоземельи, крестьяне всегда готовы были покинуть помѣщичью землю и переселиться на свободныя мѣста, а потому здѣсь связь между крестьянами и помѣщиками держалась на одной только личной зависимости. Не изъ этого рода зависимость была въ пѣкоторыхъ имѣніяхъ номинально, по отсутствію и безвѣстному нахожденію помѣщиковъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ крестьяне не отбывали въ пользу своихъ господъ даже никакихъ повинностей. Однакожъ, въ большинствѣ помѣстій крестьяне, сверхъ подушной подати и другихъ казенныхъ платежей, платили помѣщикамъ ежегодно отъ 10-ти до 23-хъ руб. оброка съ каждой ревизской души мужскаго пола, незамужнія ихъ дочери тоже облагались оброкомъ отъ 3 до 10 руб. на душу. Между тѣмъ всѣ казенные и земскіе платежи съ смежныхъ государственныхъ крестьянъ не превышали семи рублей въ годъ съ ревизской души мужскаго пола.

«Въ однихъ имѣніяхъ крестьянамъ было отведено определенное количество земли, въ другихъ они пользовались всею помѣщичьею землею, въ третьихъ, по неудобству или по недостатку ея, должны были арендовать мѣста для пашень у соседнихъ казенныхъ крестьянъ и даже совсѣмъ поселялись въ ихъ деревняхъ. По общему свидѣтельству, здѣшніе помѣщичьи крестьяне въ отношеніи благосостоянія рѣзко уступали соседнимъ государственнымъ и были менѣе рачительны къ хозяйству.

«Согласно «положенію» 19-го февраля 1861 года, всѣ крестьяне помѣщичьихъ имѣній были тогда же приписаны къ тѣмъ волостямъ государственныхъ крестьянъ, въ чертѣ которыхъ эти имѣнія находились. Помѣщикамъ сохранялось право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязывались уступить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдность и указное количество полевой земли отъ 8 до 15 десятинъ на каждую ревизскую душу; причемъ

денежный годовой оброкъ съ крестьянъ за такой надѣлъ опредѣлялся по 8 руб. Дворовымъ людямъ предоставлено чрезъ два года послѣ изданія манифеста 19-го февраля 1861 года полное освобожденіе, а до того времени они обязывались уплачивать помѣщикамъ по 1 руб. въ годъ оброка съ души. При составленіи уставныхъ грамотъ почти все помѣщичьи крестьяне выказали желаніе лучше переселиться на казенныя земли, нежели оставаться во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Въ 1863 году крестьянское дѣло было приведено къ окончанію, причемъ только по 7-ми имѣніямъ введены обязательныя отношенія по уставнымъ грамотамъ; во всѣхъ же остальныхъ имѣніяхъ крестьяне уволены отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, на основаніи правилъ о дворовыхъ людяхъ или о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, причемъ имъ было предоставлено, или избрать родъ жизни, или переселиться на свободныя казенныя земли».

Изъ этого фактическаго очерка видно, что крѣпостное право не особенно разрослось въ Сибири, принимая во вниманіе 3,000 крѣпостныхъ, на 4,000,000 населенія; поэтому Сибирь отчасти справедливо считалась миновавшею этого ига. Въ Сибири было еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія до 13,000 монастырскихъ крестьянъ, но они были превращены въ экономическихъ, по указу имп. Екатерины 1763 г. Далѣе, были принисные къ заводамъ, и такихъ въ Алтайскомъ округѣ оказалось къ 1861 году до 300,000 д. о. п. Но они со времени Демидова отошли въ вѣдѣніе заводскаго начальства, и исторія ихъ составляетъ особый эпизодъ отъ частнаго владѣнія.

При свободѣ пріобрѣтать земли, при ихъ дешевизнѣ, при готовности заѣзжаго чиновника составить богатство въ Сибири, крѣпостное право могло бы получить болѣе широкіе размѣры. Удалось же туринскому воеводѣ Панаеву пріобрѣсти до 37,000 дес. земли. Но не столько указы и запрещенія противодействовали этому, сколько неблагопріятныя для землевладѣнія особенности Сибири. Земля не имѣла цѣнности, хлѣбъ былъ дешевъ, сбыта нѣтъ, господское хозяйство было невыгодно, да и мужикъ оказался не тотъ въ Сибири, свобода и приволье его дѣлали другимъ. Если онъ изъ Россіи уходилъ въ Сибирь, въ лѣса и тущобы, что ему стоило уйдти въ двухъ шагахъ отъ урмановъ, въ которыхъ «мати пустыня» его скроетъ и никто не доберется.

Только двое помѣщиковъ жили въ имѣніяхъ, только трое имѣли управляющихъ, остальные махнули рукой, крестьяне разбрелись. Даже когда помѣщикъ старался поддержать зависимость крѣпостнаго и удерживалъ его, ему не удавалось дисциплинировать раба. Атмосфера была другая, кругомъ жило вольное населеніе. Говорятъ, что помѣщики, привезя людей съ собой, и имѣя ихъ въ прислугахъ паравѣ съ вольнонаемными, дивились, почему вѣрные люди баловались. Послушнѣйшій и услужливый въ Россіи крѣпостной Иванъ дѣлался въ Сибири «бестіей» и «грубіяномъ». Этому Ивана постоянно дразнила окружающая среда. — Эй, Иванъ, поди-ко своему барину вычисти сапоги, ты вѣдь крѣпостной, а мы вольные! говорилъ слуга, жившій по найму барскому. И Иванъ ожесточался, отбивался отъ дѣла, стыдился своего положенія. Намѣшки пробуждали въ немъ новое чувство собственного достоинства. Въ свою очередь баринъ убѣждался, что вольный трудъ и выгоды, и лучше.

Идея, сжившаяся съ представленіями, воспитанная въ умѣ и логикѣ господина, однако искала выходовъ. Многие пробовали создать подневольный трудъ изъ ссыльныхъ. Нѣкоторые дворяне, какъ Куткинъ, основывавшіе фабрики въ Сибири, испрашивали для работъ себѣ ссыльныхъ, но этотъ народъ оказывался негоднымъ по своимъ качествамъ; наконецъ, ссыльный часто шелъ въ Сибирь за сопротивленіемъ помѣщику, и купивъ себѣ цѣною наказанія новое положеніе, протестовалъ противъ всякаго возвращенія къ нему. Опыты эти ни къ чему не привели. Но такъ или иначе крѣпостная традиція вліяла въ Сибири если не прямо, то косвенно. Русскій заѣзжій чиновникъ и баринъ не могъ себѣ представить міра и общества, гдѣ бы не было крѣпостныхъ и слугъ, гдѣ бы мужикъ могъ неповиноваться, а жить какъ захочетъ. Это было для него немислимо. Онъ походилъ на древняго грека, который не представлялъ себѣ цивилизаціи и комфорта безъ рабства. Пріѣзжій изумлялся, когда на крикъ: «эй, Иванъ, подай трубку!» никто не являлся и только смѣялось надъ нимъ эхо окружающихъ лѣсовъ. Тутъ надо было что-нибудь придумать. Идея опеки, регламентаціи, распоряженій и идея безусловнаго повиновенія помощью власти со стороны пріѣзжаго челоука пробуеетъ проникнуть въ нравы. Служація лица, явившіяся въ Сибирь, внесли эти взгляды въ администрацію. И они проводятъ это въ сотни мѣръ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Такъ получила начало десятинная пашня, расселеніе и колонизація по административнымъ указаніямъ, приказанія сѣять хлѣбъ, цѣлыя массы наставленій, которыя мы читаемъ въ чичеринскихъ приказахъ. Здѣсь звучитъ и увѣщаніе стараго опекуна, и угроза барина. Сибирь становится страной опеки и утопченной регламентаціи. Были указы неотлучаться крестьянамъ на ночь изъ домовъ. Были люди, какъ Трескинъ, желавшіе слѣдить за частною жизнью, и вѣрные управляющіе, какъ исправникъ Лоскутовъ, слѣдившій за посѣвами, сборами хлѣба и за квашнею бабъ. Онъ же приказывалъ знать молитвы. Дисциплинированіе крестьянина заняло все прошлое столѣтіе, употреблялись суровыя мѣры и наказанія, о которыхъ осталась память въ преданіяхъ. Чичеринъ съ гусарскою командой выѣзжалъ на пашни сѣчь крестьянъ, у которыхъ было мало, по его мнѣнію, усердія въ работѣ. Лоскутовъ дралъ со словами «исправь, Господи! нечестивца!» Авторитетъ былъ утвержденъ и сибирскаго засѣдателя съ тѣхъ поръ стали звать «барин о мъ». Это слово осталось подаркомъ старой опеки. Въ сущности, сибирскій засѣдатель и Лоскутовъ не были случайностью и, такъ сказать, не были безъ почвы и безъ родства. Поэтому напрасно ихъ приписываютъ только сибирской почвѣ. Лоскутовъ былъ братъ Солтычихи.

Но если заѣзжій элементъ и внесъ въ Сибирь свои воззрѣнія, осуществилъ ихъ въ своихъ административныхъ проектахъ, въ пріемахъ и правахъ дисциплинированія, то мѣстное населеніе не могло не повліять обратно на этотъ пріѣзжій элементъ, часто ассимилируя его. Баринъ являлся тотъ да не тотъ. Онъ могъ и покричать и посѣчь, но онъ же и благодушествовалъ съ богатымъ мужикомъ по расчѣсту и за немнѣніемъ компаніи.

Представители низшей администраціи, постоянно вращаясь около крестьянскаго міра и общества, не могли не усвоить кое-чего изъ крестьянскихъ воззрѣній. Повинуясь онекъ и разнымъ административнымъ распоряженіямъ по виду, му-

жикъ въ Сибири устраивалъ свою экономическую жизнь по своему. Онъ оставался вѣренъ своимъ формамъ землевладѣнія, своей общинѣ, своей круговой порука, своему міру, и чиновникъ, понявъ его складъ жизни и не видя другихъ примѣровъ кругомъ, убѣждался, что это единственная форма возможная для жизни. Если сибирскій засѣдатель видѣлъ, что мужикъ старается и живетъ небѣдно, онъ добродушно говорилъ: «Благоденствуешь, бестія? Ну, благоденствуй, чортъ съ тобой! Только ты помни, что ты данъ долженъ своему благодѣтелю!» И мужикъ нѣсъ.—Мы вамъ всегда готовы! говорилъ онъ кланяясь и затѣмъ скрываясь снова въ свою улитку-общину. Старый сибирскій чиновникъ хотя и взяточникъ, былъ другомъ общины и не разрушалъ ея. Онъ не былъ культуръ-махеромъ, который вопрошаетъ: «А отчего у нихъ частнаго землевладѣнія нѣтъ?» Онъ не строилъ проектовъ по образцу ирландской или англійской системы. Такихъ претензій у него не было. Это была уже позднѣйшая школа. Но многіе пріѣзжавшіе въ Сибирь не могли помириться со складомъ сибирской крестьянской жизни, и вопросъ «отчего у нихъ частнаго землевладѣнія нѣтъ?» сталъ повторяться чаще и чаще.

Н. Я.

КУЛЬДЖА

НАКАНУНЪ СДАЧИ.

II.

Возьмите карту Азіи за послѣднія 5—6 лѣтъ, и вы найдете подъ 44 градусомъ сѣверной широты, на границѣ Китая, провинцію рѣки Или съ городомъ Кульджей, обведенную тѣмъ же пограничнымъ цвѣтомъ, какъ и вся обширная наша Имперія. Этотъ клочокъ земли, бывшій 10 лѣтъ русскимъ, какъ острый клинъ вбитъ въ Китай сѣвернѣе Кашгаріи. Угломъ своимъ онъ почти достигаетъ до узла всѣхъ военныхъ и торговыхъ путей Западнаго Китая. Не даромъ китайцы такъ настойчиво добивались этой провинціи, столь для нихъ неудобной въ нашихъ рукахъ—и добились. Теперь Кульджа уже городъ китайскій, и съ весны 1882 года тамъ водворяется китайское управленіе. Кромѣ того, эта небольшая въ географическомъ отношеніи провинція можетъ прокормить болѣе милліона населенія, — такъ какъ она весьма плодородна: просо, ишеница, рисъ, маисъ, опійный макъ растутъ здѣсь замѣчательно хорошо. Климатъ прелестный: лѣто жаркое (до 40° въ тѣни Р., но не знойное, такъ какъ воды и зелени много, а кругомъ на разстояніи 70—100 верстъ горы вѣчныхъ снѣговъ, въ 14 и 16.000 футовъ высоты. Съ сѣвера это отроги Ала-тау,—съ юга—Тянь-Шаня. Долина Или съ городомъ Кульджей лежитъ между этими двумя почти параллельными цѣпями горъ. Кульджа лежитъ въ котловинѣ междугорья, на высотѣ около 2.500 фут., почему здѣсь зима, хотя мягкая, но снѣжная и морозы доходятъ до 12—15°, а въ послѣдніе годы, съ уничтоженіемъ нашими линейными баталіонами лѣсовъ въ сосѣднихъ предгорьяхъ, и до 20°. Эти морозы повредили много садовъ и фруктовыхъ деревьевъ; особенно пострадали гранатовыя и грушевыя.

Весна начинается въ мартѣ, а осень, тихая и ясная, до конца ноября.

Русская колонія здѣсь развилась быстро, такъ какъ Кульджа по своему положенію представляла самую выгодную условія для торговли съ Западнымъ Китаемъ, связывая его съ рынками Ташкента и Кокана съ одной стороны, а на сѣверѣ непосредственно съ Семиналатинскомъ и Омскомъ. Въ Кульджѣ можно встрѣтить торговцевъ изъ Кашгаріи, Ферганы и даже Афганистана. Съ паденіемъ Кульджи, какъ русской колоніи, вся торговля наша съ Западнымъ Китаемъ, исключая ничтожной мѣнковой въ Чугучакѣ близъ сибирской границы, — останется только однимъ правомъ на бумагу, потому что ни одинъ караванъ (если бы кто и рискнулъ снарядить таковой), благополучно не дойдетъ до мѣста и будетъ навѣрно разграбленъ безчисленными шайками китайскихъ дунганъ и таргоутовъ, которые и теперь грабятъ открыто вблизи нашихъ границъ; а придинокъ самыхъ мелочныхъ отъ китайцевъ не оберешься. Это всегда было, есть и будетъ. Они морочатъ насъ на каждомъ шагу и, пріѣдая вѣжливо передъ нашими чиновниками, посмѣиваются въ усь нашей простотѣ и насмѣхаются надъ нашей политической неумѣлостью, а по ихъ мнѣнію слабостью. Положеніе множества русскихъ семействъ: купцовъ, мѣщанъ, отставныхъ чиновниковъ и солдатъ, водворившихся въ Кульджѣ для разнаго рода торговли, построившихъ дома, купившихъ земли и сады, однимъ словомъ, основавшихъ особый русскій городокъ, съ каменной церковью во имя св. Или пророка, — не менѣе плачевно. Остается въ Кульджѣ, когда изъ нея уйдутъ наши войска и все мѣстное населеніе, исключая китайскаго, незначительнаго, прокуреннаго опіемъ и лѣниваго,—немыслимо въ виду голодныхъ и грубыхъ китайскихъ солдатъ, которые замѣнятъ русскія войска, и дороговизны, которая неизбежно возникнетъ при невозможности доставать предметы первой необходимости,—когда уйдетъ все мусульманское населеніе, снабжающее теперь всѣхъ наилучшимъ каменнымъ углемъ, которымъ замѣняется здѣсь топливо, клеверомъ, мукой, мясомъ, птицей, овощами и всякой всячиной.

Постоянное пребываніе въ Кульджѣ русскаго консула никого особенно не обезпечитъ, потому что, при всемъ желаніи защищать интересы русскихъ подданныхъ, онъ не сдѣлаетъ же casus belli за покражу и даже насиліе въ русскомъ мѣщанскомъ семействѣ; а перепиской съ китайцами ничего не добьешься при ихъ уклончивости, это знаетъ всякій, кто имѣлъ съ ними какое-нибудь дѣло. Всякая дѣловая переписка съ китайскими властями напоминаетъ наши древніе порядки, когда дѣла лежали неоконченными по нѣсколькимъ лѣтъ, за переѣздомъ отвѣтника въ другой уѣздъ. Такимъ образомъ и участь заброшенныхъ судьбою въ Кульджу русскихъ семействъ—тоже неопредѣленна. Между тѣмъ, пока что, а съ первыми заморозками наши парнишки несомнѣнно будутъ вмѣстѣ съ маленькими таранчатами беззаботно раскатываться на подмерзшихъ арыкахъ и проточинахъ, съ раскраснѣвшимися отъ холода щеками, и перекидываться безобидными снѣжками. Но обратимся къ сценамъ Кульджи передъ раставаніемъ съ нею.

III.

Къ таранчинской мечети, китайской архитектуры, съ приподнятыми къ верху углами трехъярусной крыши, похожей на тѣ дома, которые изображаются на чайныхъ ящикахъ, прилегаютъ окруженный глиняною стѣною дворъ.

Изъ-за стѣнъ свѣсилась вѣтви широколистной шелковицы; внутри двора видны огромные кусты клещевины съ большими лапчатыми листьями и красными шишками, вокругъ нихъ въ изобиліи растутъ бархатцы и астры. Со двора слышно выкрикиваніе нараспѣвъ многихъ звонкихъ голосовъ хоромъ: элифъ, бэ, тэ, айнь, чайнь, даль, залъ, мимъ, нунъ, — это школа. Человѣкъ 20 мальчиковъ, сидя вдоль стѣнки, учатъ арабскую азбуку, общую у всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Въ рукахъ у нихъ дощечки. Учитель—молодой мулла, въ бѣлой чалмѣ, съ черной бородой и орлинымъ носомъ. Дѣти, видимо, любятъ его и не боятся. Нѣкоторые исподтишка заигрываютъ съ кошкой, у кого на рукѣ сидитъ ручной соколъ, цѣлко обхватившій длинными когтями пальцы мальчика, грызутъ лешенку или сладко-мучнистые плоды мѣстнаго дерева, похожіе на небольшой финикъ съ такою же длинной косточкой.

Урокъ конченъ; мулла уходитъ въ свою саклю, устланную коврами и пестрыми войлоками, съ низкимъ восточнымъ столикомъ посреди комнаты. Тамъ у него уютно. Большіе окованные жестью сундуки стоятъ одинъ на другомъ въ нишахъ стѣнъ, гдѣ сложены также и круглыя цвѣтныя подушки. Узорчатый каминь-очагъ выдается изъ оплутатуренной стѣны, покрытой красивыми лѣсными арабесками; свѣтъ падаетъ сверху черезъ продолговатое рѣшетчатое окно, заклеенное бумагой. Прибѣжали и два его сына, торопливо укладывая дощечки съ азбукой и какую-то книжку, чтобы скорѣе убѣжать на улицу.

Тамъ уже вся компанія въ разсыпную: кто у арыка моетъ свою смуглую рожицу; кто пьетъ изъ пригоршни, или начерпываетъ воду въ выдолбленную тыкву, стоя по колѣни въ водѣ, кто возится съ ученымъ соколомъ, напѣвая пѣню, кто уже успѣлъ сбѣгать домой и гарцуетъ безъ сѣдла и уздечки на ослѣ, занузdanномъ веревочкой, тщетно стараясь загнать его въ воду понуканьями и усиленнымъ маханьемъ босыхъ ногъ. Съ полей гонять стадо коровъ и барановъ, которые поднимаютъ цѣлую тучу невообразимо мелкой пыли. Подростки купаютъ лошадей, жадно пьющихъ воду, съ шумомъ и пѣною бѣгущую изъ-подъ колеса дунганской мельницы, приотвѣсившейся подъ развѣсистыми ветлами.

Южныя сумерки наступаютъ быстро. Серебристая луна засвѣтилась желтоватымъ сіяніемъ. Одна за другою загораются звѣзды въ безоблачномъ пространствѣ, не то синимъ, не то фіолетовымъ и вдали за садами раздаются рожокъ, трубящій зорю въ нашей казачьей сотнѣ...

Русскія дѣти въ Кульджѣ также бѣгаютъ по утрамъ въ школу, гдѣ учатся закону Божію у мѣстнаго священника,—естъ и учитель. И вся эта жизнь скоро остановится въ своемъ теченіи, повернетъ по новому руслу и разобьется на многія канавки.

Выдвинется на первый планъ китаецъ, и первенствующую роль на улицахъ и въ садахъ будущей Кульджи будутъ уже играть китайскія дѣти, которыя теперь прячутся въ грязныхъ и тѣсныхъ улицахъ китайскаго квартала и развлекаются только на китайскомъ базарѣ.

Китайцы также любятъ дѣтей, балуютъ ихъ, наряжаютъ, особенно тщательно причесываютъ дѣвочекъ, но не даютъ имъ такой свободы, и потому китайчата небойки и нѣсколько смотрятъ пойманными звѣрками.

Въ мусульманскіе праздники уразы *) и байрама **)

*) Рамазанъ — постъ, каждый вечеръ оканчивающійся разговѣніемъ.

**) Курбанъ-байрамъ — праздникъ жертвоприношеній (обыкновенно барановъ).

дѣти, какъ таранчей, такъ и дунганъ, особенно нарядно одѣты. У послѣднихъ оригинальные банмаки на толстыхъ подошвахъ, украшенные узорчатой строчкой; нарядныя курмы, — родъ китайской кофты съ широкими расшитыми рукавами и замѣчательны прически дѣвочекъ съ цвѣтами и серебряными шишечками въ волосахъ. У таранчинокъ азиатскія остроносые туфли съ красными шарообразными кистями и яркіе халаты-блузы.

Въ эти дни на улицахъ Кульджи и по дорогѣ къ рѣкѣ Или, протекающей въ верстѣ отъ города, встрѣчается много крытыхъ арбъ въ родѣ двухколесныхъ маленькихъ каретъ, биткомъ набитыхъ нарядными дѣтьми. У дѣвочекъ-таранчинокъ брови густо подкрашены и соединены вмѣстѣ черно-синей полосой, сдѣланной сокомъ какого-то растенія, что придаетъ имъ видъ масокъ. Такія яркія, живописныя группы дѣтей, подъ горячими солнечными лучами, можно видѣть только на Востока. Здѣсь уличная жизнь болѣе развита, вслѣдствіе отсутствія замкнутости женщинъ и семьи и, кромѣ того, много разнообразія отъ разноплеменности. Кромѣ таранчей, дунганъ и китайцевъ встрѣчаются еще киргизы, калмыки, монголы и сарты тюркскаго племени, сабины и солоны — манчжурскаго.

Въ праздники, изъ воротъ домовъ-сакель, изъ-за садовыхъ оградъ украдкой выглядываютъ дѣвушки въ своихъ новыхъ парчевыхъ заостренныхъ къ верху шапочкахъ, съ какими-то блестящими украшениями на груди, а бѣдные босые въ однихъ грязныхъ рубанкахъ мальчики, у которыхъ нѣтъ даже чистаго бѣлья, умильно и почтительно поглядываютъ на проѣзжающихъ мимо богато одѣтыхъ сверстниковъ, хотя часто играютъ вмѣстѣ, не стѣсняясь костюмомъ.

Любимое гулянье дѣтей на базарахъ, гдѣ грудями навалены фрукты: дыни и арбузы и гдѣ продаютъ разныя бездѣлушки, а также у мечетей въ тѣ дни, когда на соседнихъ плоскихъ крышахъ толнятся женщины и мужчины, увлекаясь монотонными и нѣсколько рѣзкими звуками мандалинь и другихъ азиатскихъ инструментовъ.

Изъ всѣхъ базаровъ самый модный и шумный — китайскій. Тамъ груды всякихъ овощей и фруктовъ, тамъ — стряпаютъ и ѣдятъ на улицѣ. Съ восхода и до заката солнца толпятся тамъ и пѣшіи, и верховой разноплеменный людъ.

IV.

На длинномъ деревянномъ столѣ, подъ развѣсистыми ивами, разставлены большія фарфоровыя чашки китайскаго фасона, блюда и разная деревянная посуда; въ ней наизанная на прутикахъ или соломинахъ жареные въ маслѣ пирожки-пилемени, имѣющіе аппетитный видъ; рядомъ кучки лепешекъ — онѣ замѣняютъ хлѣбъ. Горячій паръ отъ какой-то похлебки вкусно пахнетъ лукомъ. Тутъ же стоитъ переносная глиняная круглая печка-кухня съ отверстіемъ наверху, утверждена на деревянной подставкѣ. Изъ этого круглаго отверстія вырывается дымъ и красное пламя, когда съ него снимаютъ сковороду или какое-нибудь блюдо. Хозяинъ, онъ же и поваръ этого подвижнаго ресторана, желтолицый, съ черной косой, въ обыкновенномъ китайскомъ полукостюмѣ сѣраго или грязно бѣлаго цвѣта и въ черной шапочкѣ съ шарикомъ на макушкѣ. У стола, сидя на скамейкѣ синей къ улицѣ, что-то уписываетъ за обѣ щеки согнувшійся надъ чашкой китайскій работникъ. Молодой китаецъ ѣсть, стоя, съ блюдечка гороховую лапшу, ловко захватывая ее двумя деревянными палочками.

Вблизи на другомъ столбѣ разрѣзаютъ огромный арбузъ, ломти его оранжеваго цвѣта съ большими черными сѣмечками раскладываютъ рядами для потребителей, которыхъ немало. Кругомъ на скамьяхъ и подъ ними корзины съ яблоками, съ персиками разныхъ сортовъ и виноградомъ. Дыни и арбузы лежатъ кучами на землѣ. Взглянувъ нѣсколько выше, во 2-й этажъ противуположнаго дома, увидите террасу или комнату, открытую со стороны улицы; передъ ней снаружи виситъ украшенный кистями большой китайскій фонарь. Тамъ снуютъ взадъ и впередъ не совсѣмъ чистые китайцы съ чашками въ рукахъ, прислуживая сидящимъ за столиками гостямъ. Тутъ китайскій ресторанъ. По обѣ стороны улицы и сзади столовъ съ фруктовымъ и мелочнымъ товаромъ тянутся открытыя китайскія лавки. Внутри ихъ за прилавками видны толстыя или совсѣмъ изнеможенные желтыя лица китайцевъ-кунцовъ въ очкахъ съ огромными круглыми стеклами, большею частью изъ дымчатаго топаза—по пекинской модѣ. Тамъ продаютъ всякую всячину.

Это китайскій базаръ. Несмотря на то, что по распоряженію властей тутъ же жгутъ на жаровняхъ какую-то ароматическую траву или вѣтки душистаго можжевельника, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запахъ ужасно скверный, особенно сильно пахнетъ чадомъ какого-то пригорѣлаго жженого масла. Но китайцы къ этому привыкли.

Женщины ихъ съ прическами въ родѣ бантовъ изъ волосъ, какъ-бы склеенныхъ чѣмъ-то липкимъ, всегда съ непокрытыми ничѣмъ головами (развѣ цвѣтокъ живой или искусственный украшаетъ туго зачесанныя назадъ черносиніе волосы), едва пробираются вдоль лавокъ на своихъ уродливыхъ коротенькихъ ступняхъ, похожихъ на обутые кулаки, точно на ходуляхъ, опираясь на длинную палку, причѣмъ ноги ихъ мало сгибаются. Нѣкоторыя тащатъ за руку маленькихъ китайчанокъ, нести ихъ на рукахъ вѣрноп не въ ногу, при такой нетвердой устойчивости на ногахъ. Дѣтей и здѣсь множество. Они сидятъ и на прилавкахъ, въ фанзахъ китайскихъ кунцовъ, часто совершенно голые, или играютъ около грязныхъ канавокъ, бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ улицы; на нѣкоторыхъ только короткіе штанишки съ тесемками черезъ голыя плечи, или яркіе расшитые нагрудники. Группы этихъ голышей, отъ самаго крошечнаго до 10-ти-лѣтняго, напоминаютъ маленькихъ акробатовъ, цвѣта жженого кофе. Дѣвочки никогда не ходятъ голыя, онѣ одѣты, а особенно причесаны всегда очень кокетливо.

Китайскій базаръ послѣ заката солнца совершенно пустѣетъ, только въ щели нѣкоторыхъ запертыхъ лавокъ мелькаетъ красноватый огонь, да колотунка или трещотка полусоннаго караульщика-китайца звонко стучитъ дробнымъ деревяннымъ стукомъ изъ какого-нибудь темнаго закоулка.

Но вотъ, недалеко отъ улицы китайскаго базара, которая съ двухъ сторонъ обсажена ветлами, слышны однообразные удары въ какой-то бубенъ и дребезжаніе металлическихъ струнъ, туда бѣгутъ дѣти разныхъ возрастовъ и племенъ, спѣшать верхомъ туземцы. Проѣхала и извошница линейка, едва пробираясь шагомъ въ тѣсномъ странствѣ подъ ветлами; на линейкѣ русская дама съ дѣвочкой въ соломенной шляпѣ и малороссійскомъ платицѣ. Цѣль общаго стремленія китайскій театръ, устроенный въ концѣ улицы близъ кумирни. Большіе треугольники изъ разноцвѣтной бумаги, съ крупными китайскими буквами, развѣшаны на веревкѣ, протянутой между деревьями и колеблемые вѣтромъ, замѣняютъ афиши.

Представленіе въ ходу: китайская рѣчь актеровъ, которую понимаютъ не многіе, заглушается часто хохотомъ публики, обступившей кругомъ подмостки, — тотъ-въ-точь какъ у насъ на балаганахъ. Музыка помещается тутъ же на сценѣ. Два китайца, одѣтые женщинами, похаживаютъ взадъ и впередъ, обмахиваясь вѣерами и говорятъ нараспѣвъ. Они возбуждаютъ общій смѣхъ, когда быстро превращаются въ мужчинъ, или надаютъ, продѣлывая тѣ же фарсы, какъ и всѣ балаганные лицедѣи. Вообще представленіе однообразно. Гораздо интереснѣе былъ разговоръ двухъ кумушекъ, стоявшихъ тутъ же въ толпѣ въ клѣтчатыхъ пестрыхъ платкахъ-шаляхъ, столь знакомыхъ каждому уѣздному русскому городу.

— Капусту-то будете нонче солить?

— А что, неужели ужъ Кульджу-то сдавать собираются, развѣ слышали что про китайцевъ?

— Да, говорятъ весною придутъ.

— И какъ это съ ними переговоры ведутъ, вѣдь они, прости Господи, десятирукому истукану поклоняются.

— Отъ этого ему, матушка, и удача во всемъ, нынче онъ ужъ и казака пересталъ бояться; намедни кашгарецъ у насъ рассказывалъ, что они у нихъ тамъ похваляются всю Сибирь за себя отобрать.

— А слышали вы, когда звѣзда-то эта съ хвостомъ проявилась,—такъ китайская-то царица...

Взрывъ хохота около китайскаго балагана прервалъ разговоръ на самомъ любопытномъ мѣстѣ, и онъ болѣе не возобновлялся.

Съ рѣшеніемъ участи Кульджи, здѣшніе китайцы оперились и подняли головы; у нихъ происходили разные радостныя манифестаціи, которыя начинались даже ранѣе, такъ сказать, преждевременно, за что имъ не разъ доставалось. Мужчины, между прочимъ, совсѣмъ не такіе узкоглазые, какъ привыкли ихъ считать, еще усиленнѣе закурили опиумъ, потребление котораго здѣсь сильно развито, такъ же какъ у мусульманъ куреніе гашиша, по здѣшнему ганаша, который они готовятъ изъ дикой конопки.

Замѣчательно, что политика отражается и въ дѣтскомъ мірѣ. Китайскія дѣти стали недружелюбнѣе относиться къ русскимъ, высовывая языки и гримасничая, что прежде боялись дѣлать, — это за уступку Кульджи. Нерѣдко увидишь двухъ сѣбившихся, какъ пѣтуховъ, китайченка и сарта, а съ ними иногда и какого-нибудь Ванюшку или Егорку, принимающаго сторону таранчича.

Мы послѣдній разъ взглянули съ грустью на эти знакомыя мѣста.

Прощай Кульджа!

А. Сумароковъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Въ то время, какъ общее вниманіе обращено на Египетъ, на границѣ Оссалии и Македоніи, между Зорбой и Дичани произошелъ стычка между турецкими и греческими войсками. Нѣсколько времени тому назадъ въ газетахъ было извѣстіе, что Греція ведетъ переговоры съ Англіей насчетъ наступательнаго и оборонительнаго союза съ нею. Было заявлено также въ видѣ слуховъ, будто британскіе эмиссары подстре-

каютъ грековъ къ вооруженному столкновению съ Турціею; съ другой стороны, фанатическое настроеніе турокъ противъ христіанъ ждало только искры. Но какъ бы то ни было, а европейская печать видитъ въ вооруженномъ столкновении грековъ съ турками происки Англии, съ цѣлью отвлечь вниманіе Порты отъ египетскаго вопроса. Греческій король и королева возвращаются изъ путешествія.

— Побѣды англичанъ въ Египтѣ, заявленныя слишкомъ поспѣшно лондонскими газетами, всѣ опровергнуты, а мелкія стычки съ войсками Араби-паши убѣдили англичанъ, что силы диктатора далеко не слабы. Въ сущности, послѣ взятія Александріи до сего времени, дѣйствія англичанъ не дали имъ никакихъ существенныхъ результатовъ. Занятіе безъ боя Суэзскаго канала не могло создать выгоднаго для англичанъ положенія; двигаться отъ Суэза въ Каиръ нелегко; для этого нужны совокупныя силы Александріи, Измаиліи и Суэза. Но гарнизонъ Александріи слишкомъ слабъ; индійскія войска, наступающія со стороны Суэза, не представляютъ для арміи Араби-паши опасности. Войска эти не имѣютъ удобныхъ путей сообщенія, ни достаточнаго мужества, ни достаточнаго желанія побѣждать египтянъ и потому обречены играть роль обсервационныхъ войскъ. Остается главный корпусъ англійскихъ войскъ, направляющійся изъ Измаиліи къ Каиру. Но желѣзнодорожная сѣть Дельты въ рукахъ Араби-паши и даетъ ему возможность тотчасъ же явиться на выручку сѣвернаго отряда. Для того, чтобы овладѣть Каиромъ, англичанамъ придется взять съ боя укрѣпленія Тэль-эль-Кебира, пройти 160 верстъ, частью песками пустыни, частью поессированными дорогами Дельты, взять Саидіэ или Барражъ и затѣмъ уже явиться подъ стѣнами Каира. Во всякомъ случаѣ, надняхъ слѣдуетъ ждать рѣшительнаго боя. Въ Александріи чувствуется недостатокъ прѣсной воды.

— Англо-турецкая конвенція еще не подписана. Султанъ желаетъ высадить свои войска не въ Абукирѣ, какъ того требуетъ Англія, а въ Александріи. Кромѣ того, Порта намѣрена прикомандировать къ англійской главной квартирѣ своего комиссара и двухъ адъютантовъ, противъ чего протестуетъ Англія. До прибытія турецкихъ войскъ въ Египетъ, султанъ отказывается провозглашать Араби-пашу изгнанныкомъ. Иностранныя державы отказались отъ посредничества между Англіею и Турціею. По слухамъ, симпатія Турціи къ Россіи быстро растутъ.

— Ирландскіе кружки, проживающіе въ Нью-Йоркѣ и др. городахъ Америки, радуются всѣмъ затрудненіямъ, встрѣчаемымъ англичанами въ Египтѣ. Происходили даже митинги, гдѣ ирландцы агитировали въ пользу поддержки Араби-паши людьми, оружіемъ и деньгами, но протестъ Парнелля преградилъ дальнѣйшее движеніе. Положеніе дѣлъ въ самой Ирландіи продолжаетъ внушать англійскому правительству сильныя опасенія. Аграрныя убійства продолжаются, кромѣ того, арестовано лицо, намѣревавшееся стрѣлять въ лорда Спенсера, ирландскаго вице-короля. Въ Дублинѣ, по инициативѣ Парнелля, происходилъ митингъ, на которомъ рѣшено образовать «ирландскій рабочій и промышленный союзъ», цѣлью котораго будетъ возвысить социальный уровень рабочаго класса, при содѣйствіи всѣхъ другихъ сословій. Сдѣлано воззваніе ко всѣмъ ирландскимъ рабочимъ и ремесленникамъ. Настроеніе ирландской полиціи далеко несочувственно англійскому правительству. На одномъ изъ митинговъ въ Дублинѣ, 20 августа, присутствовавшіе 300 служителей дублинской городской полиціи высказали порицаніе поведенію высшихъ полицейскихъ властей. Эти 300 человекъ уволены отъ службы, за участіе въ митингѣ. Тогда вся дублинская полиція, за исключеніемъ высшихъ чиновъ, въ составѣ 883 человекъ, отказалась отъ дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей. Вице-король издалъ воззваніе къ гражданамъ, приглашая ихъ организовать отдѣльную полицейскую стражу изъ среды себя. Лордъ-мэръ возложилъ на жителей отвѣтственность за спокойствіе города. По этому поводу былъ собранъ городской совѣтъ. Четыреста человекъ заявили желаніе образовать отдѣльную полицейскую стражу.

Происходили сильныя беспорядки, при усмиреніи которыхъ войскамъ приходилось ходить въ штыки.

— Герцеговинскіе повстанцы одержали новую побѣду надъ австрійскими войсками у Сѣвицы. Центръ военныхъ дѣйствій сосредоточивается въ Герцеговинѣ.

— Лессепсъ, опротестовавшій появленіе англичанъ въ Суэзскомъ каналѣ, выѣхалъ во Францію. Парижскія газеты привѣтствуютъ его возвращеніе. Ему готовится торжественный банкетъ, какъ лицу, открыто и честно возставшему противъ насилія англичанъ въ Египтѣ и какъ человеку, признавшему Араби-пашу благороднѣйшимъ патріотомъ. Республканская партія, возставшая противъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Египта, торжествуетъ. Она увѣрена, что будущность Франціи принадлежитъ ей одной и что заботою французовъ должно быть воспитаніе юношества, съ цѣлью подготовить будущихъ гражданъ и честныхъ слугъ республики. Выразителемъ этой идеи выступилъ надняхъ Поль Беръ, бывший министръ народнаго просвѣщенія. На праздникѣ, устроенномъ синдикатомъ «вольныхъ библиотекъ» въ Парижѣ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой, говоря о воспитаніи молодого поколѣнія, на первомъ планѣ поставилъ любовь къ родинѣ, готовность жертвовать за неѣ жизнью и развитіе въ юношествѣ гражданскихъ чувствъ. Въ общемъ воспитаніе должно имѣть въ виду создать настоящую народную армію, способную дѣйствовать разумно и сознательно. Нѣмецкая печать прозрѣла въ этой рѣчи ненависть Франціи къ нѣмцамъ и твердое намѣреніе ея отмстить Германіи, возвративъ Эльзасъ и Лотарингію. Вслѣдствіе этого, нѣмецкая печать особенно торжественно привѣтствовала годовщину седанской битвы, празднуемую нѣмцами ежегодно. Между французами и нѣмцами возникла газетная война. Ожесточеніе французовъ дошло до того, что члены «лиги французскихъ патріотовъ», въ числѣ 300-хъ человекъ чуть не побили проживающихъ въ Парижѣ и назначившихъ свое засѣданіе «нѣмцевъ - гимнастовъ». Полиція, воспротивившаяся сходкѣ послѣднихъ, избавила ихъ отъ побоевъ. Тогда патріоты отправились въ предмѣстье Сень-Дени и излили тамъ всю накипѣвшую желчь на нѣмцевъ. Фактъ этотъ вызвалъ нѣмецкую печать къ новымъ инсинуаціямъ противъ французской цивилизаціи. «Патріоты» отвѣтили ей банкетомъ, даннымъ въ помѣщеніи гимнастовъ, на которомъ провозглашались тосты «за близкое возмездіе». Самые умѣренныя органы французской печати начинаютъ взывать о возмездіи. Опасаются, что такое положеніе дѣлъ вызоветъ дипломатическое вмѣшательство правительствъ обѣихъ державъ. Прусская печать прорицаетъ, что французы ждутъ только дальнѣйшихъ затрудненій на Востокѣ, чтобы начать военныя дѣйствія противъ Германіи. Какъ слышно, партія Гамбетты поддерживаетъ враждебное къ нѣмцамъ настроеніе умовъ. Проживающихъ въ Парижѣ нѣмцевъ называютъ шпионами, раздаются голоса объ изгнаніи ихъ изъ Франціи. Гамбетта увѣренъ, что его популярность возродится и что безъ него дѣло не обойдется. Вопреки обыкновенію уѣзжать на лѣто изъ Парижа, на этотъ разъ Гамбетта остался, какъ говорятъ, чтобы быть готовымъ во всякое время выступить дѣйствующимъ лицомъ. Недавно биржевики и спекулянты встрѣтили его свистками и шиканьемъ; къ этой демонстраціи онъ отнесся равнодушно.

— По слухамъ, Менотти Гарибальди набираетъ отрядъ волонтеровъ, съ которымъ онъ намѣренъ двинуться на помощь Араби-пашѣ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло, что нѣрѣдко подъ предлогомъ публичныхъ представленій, концертовъ и т. п. съ цѣлью благотворительной, съ публички собираются деньги не на тотъ предметъ, о которомъ официально объявляется, и путемъ такого обмана добываются средства для цѣлей преступныхъ, грозящихъ опасностью государствен-

ному и общественному порядку. Такого рода факты вызвали циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ предписывается мѣстнымъ властямъ давать разрѣшеніе на устройство спектаклей съ благотворительною цѣлью иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ билеты продавались подъ наблюденіемъ особаго благонадежнаго лица, избраннаго высшею мѣстною полицейскою властью и чтобы сумма, вырученная отъ спектакля, по уплатѣ расходовъ по увеселенію, вручалась подъ квитанцію тому же благонадежному лицу, для препровожденія ея къ мѣсту назначенія.

— 19-го августа правительственнымъ сообщеніемъ опубликовано, что въ Саратовѣ, 16-го августа, была сдѣлана попытка освободить изъ тюремнаго заключенія одного арестанта, обвиняемаго въ государственномъ преступленіи. Къ тюремной оградѣ подѣхала телѣжка съ двумя сѣдоками; вслѣдъ затѣмъ, арестантъ, прогуливавшійся по тюремному саду, бросилъ песку въ глаза сопровождавшему его надзирателю, а одинъ изъ сѣдоковъ двумя выстрѣлами изъ револьвера смертельно ранилъ надзирателя, послѣ чего арестантъ перескочилъ черезъ ограду, сѣлъ въ телѣжку и всѣ трое быстро поѣхали по направленію отъ тюремнаго замка. Толпа народа бросилась за бѣглецами, телѣжка опрокинулась и преступники были задержаны. Одинъ изъ нихъ, избитый народною толпой, умеръ по дорогѣ въ больницу, а лицо стрѣлявшее въ надзирателя и арестантъ были доставлены въ замокъ. Изъ этихъ двухъ первый назвался сыномъ землевладѣльца Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, Петромъ Сергѣевымъ Поляновымъ. Личность же умершаго преступника не обнаружена. Дѣло будетъ передано на разсмотрѣніе военнаго суда.

— Согласно росписанію военнаго министерства, цифра годоваго призыва новобранцевъ въ текущемъ году равняется 212,000 чел.

— Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ «Виржевыя Вѣдомости» получили первое предостереженіе по поводу статей о правахъ и обязанностяхъ печати и объ отношеніяхъ ея къ правительству.

— Высочайшимъ повелѣніемъ женскіе учебныя курсы уираздѣляются и пріемъ слушательницъ прекращенъ. За нынѣ обучающимися слушательницами оставлено право окончить полное медицинское образованіе, а затѣмъ право заниматься акушерскою, женскою и дѣтскою учебною практикою. Впрочемъ, въ 3-мъ пунктѣ Высочайшаго повелѣнія сказано, что если въ теченіе временнаго существованія женскихъ учебныхъ курсовъ имъ представится возможность перехода изъ николаевскаго военнаго госпиталя въ какое-либо другое учрежденіе, то туда же передаются и принадлежащіе курсамъ учебныя кабинеты. Этотъ параграфъ многія газеты истолковываютъ въ весьма утѣшительномъ видѣ, именно, возможностью, при извѣстныхъ условіяхъ, дальнѣйшаго существованія курсовъ. «Страна», по поводу закрытія курсовъ, высказала слѣдующее замѣчаніе: «въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія мы сдѣлали шагъ назадъ. Весьма вѣроятно, что въ этой сферѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ, потребности жизни, со временемъ, все-таки возьмутъ свое, и что женскіе учебныя курсы когда-нибудь возстанутъ при томъ или другомъ учрежденіи. Но несомнѣнно, что устраивать вновь труднѣе, чѣмъ поддерживать однажды учрежденное, и нельзя не пожалѣть лишній разъ, что наше общественное развитіе все еще не идетъ правильно, что всѣ его успѣхи и завоеванія всегда остаются подлежащими еще сомнѣнію и каждый шагъ впередъ можетъ со временемъ быть уничтоженъ шагомъ назадъ».

— По слухамъ, пересмотръ законовъ о печати начнется не ранѣе конца сентября.

— 27 августа въ Одессу прибыли экипажъ и пассажиры парохода «Москва».

— Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» сообщена рѣчь генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Дрептельна къ представителямъ города Балты и евреямъ, которымъ онъ, между прочимъ, сказалъ:

«Вы, гг. евреи, понесли великое горе, васъ обезчестили и разорили;

правда, это крайне для васъ обидно, но вы сами, своими поступками, вооружаете противъ себя. Кто эта депутація отъ еврейскаго общества, вздвигшая въ Петербургѣ?» (Вышелъ одинъ еврей вздвигшей депутаціи, г. Познанскій). Къ нему его превосходительство и обратился: «Вы клеветники! Вы оклеветали начальниковъ и представителей города въ подстрекательствѣ бунтовавшей толпы противъ евреевъ и въ другихъ противозаконныхъ поступкахъ! Это совершенная ложь! Вы можете только жаловаться, что васъ не любятъ; но какъ же васъ любить, если вы, кромѣ денегъ, никого больше не любите? Вы рассчитываете на своихъ петербургскихъ защитниковъ; увѣряю, они вамъ ничего хорошаго не сдѣлаютъ — возьмутъ съ васъ деньги и только. Если такъ поступать будете, то ничего хорошаго не успѣете. Вы, гг. евреи, сами убѣждены, что вамъ нигдѣ такъ не живется хорошо, какъ въ Россіи. Ваши единовѣрцы, недоучившіеся въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ, оставивъ Россію, отправились въ Америку и Палестину—и что же? изъ Америки бѣгутъ обратно въ Россію, а въ Палестинѣ голодаютъ; вамъ же въ Россіи хорошо живется; если не жирно ѣдите, то съ голоду не умираете».

Рѣчь эта вызвала въ печати нѣкоторое изумленіе. «Страна» замѣчаетъ, что еврейская депутація могла выслушать такой урокъ изъ непосредственнаго источника, но она его не слыхала. Въ заключеніи газета задается вопросомъ: «неужели въ самомъ дѣлѣ нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ евреямъ не живется такъ хорошо, какъ—въ Балтѣ?»

— Туркестанскій генералъ-губернаторъ, М. Г. Черняевъ, окончательно выѣзжаетъ къ своему посту 31-го августа. На пути онъ намѣренъ пробить въ Москвѣ не болѣе трехъ дней.

— По словамъ «Новороссійскаго Телеграфа», въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ предстоитъ разсмотрѣніе довольно большого политическаго дѣла, по которому будутъ обвиняться до 10 человѣкъ политическихъ преступниковъ, содержащихся въ настоящее время въ казармахъ № 5. Дѣло это имѣетъ нѣкоторую связь съ дѣломъ объ убійствѣ генерала Стрѣльникова.

— На основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ достовѣрнаго источника, «Эхо» сообщаетъ, что всѣ члены комисіи по пересмотру мѣстныхъ учреждений подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря Каханова, какъ и сенаторы, принимающіе участіе въ трудахъ комисіи, съѣдутся къ 15-му сентябрю.

— Денежныя сборы на поддержаніе женскихъ медицинскихъ курсовъ въ столицѣ и провинціяхъ продолжались до дня опубликованія Высочайшаго повелѣнія. Такъ, «Петерб. Листъ» слышалъ, что извѣстный коммерсантъ Ф. П. К.—винъ, въ сознаніи серьезности дѣла и пользы, приносимой женскими учебными курсами, пожертвовалъ 15-ть тысячъ руб. на поддержаніе этого полезнаго учрежденія.

— Корреспондентъ изъ Мензелинскаго уѣзда сообщаетъ въ газету «Страна» (№ 97), что бывший генералъ-губернаторъ Крыжановскій приобрѣтенное имъ въ 3,700 д. «поросшее кустарникомъ болото», какъ было означено, продалъ на-дняхъ елабужскому купцу Стахѣеву за 265,000 руб.!

— Газета «Южный Край» передаетъ, что съ будущаго года прекращается пріемъ слушательницъ на акушерскіе курсы при харьковскомъ университетѣ, которыми завѣдываетъ профессоръ Лазаревичъ. Въ нынѣшнемъ году еще состоится пріемъ, такъ что курсы просуществуютъ еще два года, чтобы дать возможность окончить ихъ тѣмъ слушательницамъ, которыя поступятъ въ нынѣшнемъ году.

— «Новостямъ» сообщаютъ, что замѣна коронныхъ судей въ Царствѣ Польскомъ судьями выборными будетъ разрѣшена въ весьма близкомъ будущемъ.

— Извѣстіе о томъ, что епископъ алеутскій Несторъ утопнулъ, оказалось ложнымъ. Епископъ спасенъ.

— При главномъ управленіи общества «Краснаго Креста» организуется, подъ руководствомъ доктора Рейера, особые курсы для лицъ, незнакомыхъ съ медицинскою практикою. На новыхъ курсахъ будутъ сообщены элементарныя свѣдѣнія по уходу за больными и главнымъ образомъ будетъ преподавано о томъ, какъ оказать первую помощь заболѣвающимъ до прибытія врача.

— На постъ начальника штаба туркестанскаго военнаго округа назначенъ генералъ-маіоръ Новицкій, который, какъ полагаютъ, въ концѣ августа мѣсяца отправится къ мѣсту своего назначенія.

— Въ виду неурожаа хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, земства, въ экстренныхъ собраніяхъ, обсуждаютъ мѣры, которыя необходимо принять для обезпеченія продовольствія крестьянамъ.

— Въ «Эхо» пишутъ: Для обращенія въ христіанство степныхъ киргизовъ въ Туркестанскомъ краѣ учреждается православная миссія, мѣстопребываніемъ которой избрана мѣстность на озерѣ Иссыкъ-Куль, вблизи многочисленныхъ русскихъ селеній: Преображенскаго, Теплоключинска, Сливкина и Сазановки, гдѣ предположено основать монастырь, на каковой предметъ православное миссіонерское общество назначило единовременно двадцать тысячъ рублей, въ счетъ которыхъ препроводило туркестанскому пресвященному Александру шесть тысячъ рублей на необходимыя приготовительныя работы по устройству миссіонерскаго монастыря.

— Въ Москвѣ, 24-го августа путешественникъ по Китаю докторъ Пясецкій открывалъ рядъ публичныхъ лекцій о Китаѣ.

— Телеграмма изъ Омска сообщила, что 14-го августа прибылъ туда новый генералъ-губернаторъ Колпаковскій и принять радостно.

— Въ Томскѣ съ новыхъ заводовъ Цибульскаго и Михайлова доставлено 200,000 кирпичей для университета. Ожидаютъ, что съ завода такое количество будетъ доставляться каждыя двѣ недѣли.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ Г. ПЯСЕЦКАГО ВЪ МОСКВѢ.

(Фельетонная замѣтка).

Всегда пріятно видѣть, какъ у насъ иной петербургскій орель-журналистъ похерить что нибудь сразу или рубнеть, по пословицѣ: «коль рубить, рубить съ плеча». Это, во-первыхъ, пріемъ чисто «почвенный», самобытный, подъ которымъ видно славянина, только наружно прикрывающагося «западничествомъ»; во-вторыхъ, высококомѣрнаго централиста-петербуржца. Одинъ изъ хроникѣровъ популярнаго петербургскаго журнала пробралъ московскую выставку, и совершенно справедливо, такъ какъ денегъ убито много, раскинута широко, вещами она изобильна, а порядка въ ней нѣтъ. Къ сожалѣнію, тутъ же журнальный юпитеръ снесъ до основанія и скромный павильонъ г. Пясецкаго, заявивъ что «китайская выставка» г. Пясецкаго пустая, не заслуживаетъ вниманія, на ней сборъ пустыхъ вещей и нѣтъ блестящихъ и дорогихъ произведеній Китая. Г. рецензентъ забылъ одно, что выставка г. Пясецкаго сооружена имъ на собственные средства, безъ всякихъ субсидій и поддержки, т.-е. она плодъ частной инициативы; дай Богъ, чтобы и другія выставки устраивались столь же самостоятельно. На эту выставку положена энергія одного частнаго человѣка. Второе, выставка г. Пясецкаго научная и этнографическая, которую чтобы разбирать надобно имѣть понятіе о краѣ и его культурѣ, петербуржскому же рецензенту Китайъ извѣстенъ какъ «Китай», т.-е. онъ имѣетъ понятіе о немъ какъ о жителяхъ планетъ. Выдумать онъ на него можетъ что угодно, и даже остроумно, а узнать его тяжела наука. Г. Пясецкій поставилъ цѣлью хоть немного разсѣять невѣжество публики, а пожалуй и нѣкоторыхъ интеллигентовъ по отношенію къ этой странѣ; для этого онъ предложилъ способъ «нагляднаго знакомства съ Китаемъ» причемъ систематически знакомитъ на своей выставкѣ съ культурой китайцевъ: одеждой, обувью, туа-

летомъ, пищей, предметами комфорта, съ архитектурой, жилищами, промышленностью, ремеслами, съ нравственною и умственною стороною этого народа въ видѣ массы предметовъ религіозныхъ; наконецъ знакомитъ съ китайскою живописью, хромо-ксилографіей, музыкой, печатью; все это составило 23 отдѣла. Подобная выставка поучительна для людей трактующихъ ежедневно о китайскихъ дѣлахъ, но неимѣющихъ понятія о странѣ. Она должна бы заслужить полнаго сочувствія со стороны людей, заботящихся о просвѣщеніи своего отечества. Для объясненій предметовъ изданъ путешественникомъ особый каталогъ, съ объясненіями жизни и культуры. Подобные каталоги у насъ рѣдкость. Наконецъ, выставка г. Пясецкаго есть выставка путешественника, гдѣ онъ помѣстилъ маршрутъ, виды, типы и т. п. Къ подобнымъ вещамъ простая деликатность заставляетъ относиться осторожно. Путешественникъ человѣкъ науки, не фокусникъ, не понарамцикъ, котораго можно третировать. Въ г. Пясецкій работалъ не съ цѣлью наживы, работалъ одинъ безкорыстно въ новыхъ странахъ, все это не мѣшало бы оцѣнить, и удѣлить хотя долю уваженія. Этнографическій рисунокъ не картина, ее нельзя сравнивать съ Верещагинскими картинами, тутъ совсѣмъ другія требованія.

Обо всемъ этомъ упомянуто путешественникомъ въ каталогѣ, который г-нъ обозрѣватель даже не потрудился прочесть. Во всемъ этомъ сказалось полное неумѣнье относиться къ выставкамъ чисто научнаго характера. Г. рецензентъ ожидалъ видѣть блестящія издѣлія Китая. Но дорогія игрушки смотрятъ на Невскомъ. Путешественникъ не имѣлъ средствъ пріобрѣтать ихъ. Выставка г. Сосновскаго въ Петербургѣ была блестяще, она изобиловала дорогими бездѣлушками—bijouterie Китая и ею восхищались, хотя тутъ-то и не мѣшало прійти на встрѣчу критикѣ и задаться вопросомъ, откуда и какъ вещи пріобрѣтены, но критика оказалась снисходительной. Нужно было написать чуть не три тома тому же г. Пясецкому, чтобы снять ореолъ съ этого путешествія, который создала г. Сосновскому столичная печать. Такъ мы умѣемъ различать вещи. Литераторъ-петербуржецъ и централистъ вѣчно палить не туда, куда слѣдуетъ.

Сибирскій репортеръ.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 24 августа. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₃₂ пенс. за рубль, на Парижъ 252¹/₄ сант., на Гамбургъ 205 пфен. Полуимперіалы 8 р. 22 к., рубль серебр. 1 р. 37 к.; 5⁰/₁₀₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 94³/₄, 2 в. 90³/₄, 3 в. 90⁵/₈, 4 вып. 90, 5 вып. 89⁷/₈. Восточный заемъ 89³/₈, 5⁰/₁₀₀ Первый выигр. заемъ 214, Второй выигр. заемъ 211. 5⁰/₁₀₀ закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. (металл.) 128¹/₈, кред. 83, Облг. Спб. гор. кред. общ. 86, Моск. гор. кред. общ. 86³/₈, 5⁰/₁₀₀ закл. лист. Тульск. зем. банка 81, 5¹/₂ 0⁰/₁₀₀ рента 98⁷/₈, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 92¹/₂, 6⁰/₁₀₀ закл. лист. Тульск. зем. банка 94¹/₂, Моск. зем. банка 99, Харьк. зем. банка 93³/₄, Тифлисс. зем. банка 87, Сар.-Симб. зем. банка 87. Акціи Спб. части. ком. банка 254, акц. Волжско-Камск. ком. банка 423, акц. Спб. торг. банка 342, акц. Центр. банка русск. позем. кред. 59, акц. Сар.-Симб. зем. банка 54, акц. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 487, акц. парох. общ. «Самолетъ» 178, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249¹/₂, акц. Юго-Зап. ж. д. 96¹/₂, акц. Рыб.-Бол. ж. д. 68³/₄, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 84³/₄. Настроеніе биржи съ курсомъ слабѣе, въ Берлинѣ русскіе кредитные билеты понизились до 202 мар. 90 пфен. за 100 р.; съ бумагами также слабо.